

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ГЕРБАРИЙ ИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Гербарий из преступлений
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23789775
Гербарий из преступлений: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-094855-0

Аннотация

Странное дело попало к следователю прокуратуры Архипу Щукину: некто в черном семь раз стрелял в молодого бизнесмена Валентина Самойлова почти в упор и... не убил его! Вскоре выясняется, что из того же пистолета были застрелены сначала дед, а затем отец Валентина... Что это? Вендетта по-русски? Основную роль в расследовании Щукин отвел изучению архивов – и, обращаясь к трагическим событиям полувековой давности, не ошибся. Совершая один за другим грамотные ходы, он вычислил того, кто стрелял. И... оставил преступника на свободе! Что это? Очередная загадка? Самоуправство следователя, превышающего свои полномочия? Или снова ложный след – а значит, поиски придется начинать сначала?..

Ранее книга издавалась под названием «Белая кошка в светлой комнате»

Содержание

1	5
2	17
3	29
4	43
5	57
6	71
7	85
8	100
9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Лариса Соболева

Гербарий из преступлений

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Два величайших тирана на земле: случай и время.
И. Гердер

1

– Итак, в вас стреляли...

Щукин стал у кирпичной стены, оказавшись спиной к потерпевшему, и с интересом рассматривал следы от пуль, будто никогда не видел ничего подобного. Ровненькая кладка – кирпич в кирпич – и между ними тоненькая прослойка раствора до того аккуратны, что, скорее, соответствуют стенам жилого помещения, нежели всего-навсего гаража. И на этой ровной кладке свежие характерные выщербины. Несведущий человек подумал бы, будто хозяин начал с непонятной целью хаотично ковырять стену, потом ему надоело, и он бросил это занятие. Но Щукину выщербины хорошо знакомы, без сомнения, их сделали пули. К счастью, потерпевший отделался всего лишь большим испугом.

– Конечно, в меня, – с ноткой агрессивности бросил Валентин Самойлов, он же потерпевший. – А в кого еще? Я был один.

Щукин обернулся и устремил взгляд на Самойлова, который напряженно сидел на краю старого, выдавшего виды кресла в углу гаража. Валентин нервно курил одну сигарету за другой, гася их в банке из-под маслин. Его агрессивность простительна и в общем-то оправдана – в Самойлова стреляли несколько раз прямо в гараже, а тут вал вопросов, на которые он не мог ответить ввиду того, что не знал ответов.

Его нервировал бесконечный осмотр места происшествия, иногда казалось, будто никто не верит его словам. Но в него действительно стреляли. Стреляли и не попали ни разу! Каково, а? Покушение совершено в одиннадцать вечера, сейчас час ночи. Не верить потерпевшему оснований нет, но... много возникает «но». Щукин оглядел просторный и опрятный гараж – во всем чувствуется хозяйская жилка.

– Ну-ка, еще разок повторите, – попросил он. – Вы приехали домой...

– Я приехал, – заговорил потерпевший с натугой, воспоминания давались ему нелегко. – Приехал, открыл гараж пультом дистанционного управления, въехал. Свет у меня включается автоматически, лампочка горит над въездом, но тусклая. Я вышел из машины... и тогда раздался первый выстрел. Пуля пролетела у головы, я слышал ее свист, слышал, как она врезалась в стену. Я присел... не буду рассказывать, что пережил... Когда я присел, прижавшись к машине – спрятаться здесь негде, вы сами видите, – тогда раздался второй выстрел. И снова пуля отчетливо просвистела возле уха. Я перебежал за нос машины, но он... он вошел в гараж. Потом... я плохо помню, только то, что пытался убежать от пули. Смешно, да? Бежать-то некуда. Только мне не было смешно. Не знаю, как я очутился в том углу... последний выстрел он сделал в упор, стоя напротив меня. И снова не попал, пуля врезалась в стену над головой. – Валентин вскочил с кресла, в мгновение ока присел в углу и показал вверх

на след от пули. – Видите? Над головой прошла.

– После выстрелов он ушел? – выяснял мельчайшие подробности Щукин. – Ничего не сказал? Может, хотя бы выругался?

– Нет. Ничего не говорил. Он все время молчал, только ходил за мной. Я закрыл голову руками и ждал, что он прикончит меня. Но он сделал последний выстрел и ушел. Я не видел, как он уходил, только слышал.

– Семь попаданий в стену, – сообщил Вадик после осмотра гаража.

– А у меня семь гильз, – доложил пожилой эксперт, потрясая полиэтиленовым пакетом. – Могу сразу сказать, что стреляли из старого оружия. А из какого, будет известно после баллистической экспертизы.

– В лицо его видели? – спросил Щукин Валентина.

– Хм! – качнул головой Самойлов, поднимаясь. Он подошел к Щукину, глядя ему в глаза, убедительно сказал: – Как вы думаете, мне до того было, чтобы разглядывать его лицо? Фигуру видел. Он был в черном... плаще, наверное. Длинном. И в черной шляпе. Может, цвет был другой, но свет падал сзади, поэтому его одежда мне показалась черной. И лицо было черным. Он был как фантом, как пришелец из преисподней...

Самойлов вернулся в кресло, закурил. Пару минут Щукин наблюдал за ним. Валентину тридцать четыре. Судя по гаражу, он кое-чего достиг в этой жизни, но, судя по машине, не

так уж и много – тачка отечественная и далеко не крутая. А вот внешностью он не обделен, лицо приятное, а с точки зрения женщин, наверное, так даже и красивое, с правильными чертами. Глаза умные, темные, под стать глазам волосы, то есть тоже темные, коричневого оттенка, волнистые. И рост, и телосложение... короче, успехом у женщин он пользуется, вне всякого сомнения. Ну, вот и первая версия готова: ревнивый муж решил проучить любовника дражайшей супруги. Ведь как-то надо оправдать выстрелы, ни один из которых не попал в цель?

Неспешно прохаживаясь взад-вперед перед потерпевшим, Щукин сказал то, что на его месте сказал бы любой следователь:

– Давайте подумаем, кто и зачем в вас стрелял?

– Не знаю, – глядя в пол, ответил Самойлов.

Видимо, он сам роется в памяти, ищет, кому крупно насолил. Щукин тоже рылся в памяти, да только идентичного случая не припомнил. Если уж стреляют в кого-то, то обязательно попадают. А тут семь выстрелов фактически с двух шагов – и ни одного попадания! Нереально.

– Тогда вспомните врагов, – предложил Щукин. – Враги-то у вас есть?

– Думаю, да, – но ответ Валентина не был уверенным. – Ну, конкуренты есть, у меня строительная фирма – мы строим дома под ключ, занимаемся ремонтом. Да нет, из моих конкурентов никто не отважится на такой... безумный по-

ступок. Мой бизнес не дает астрономических прибылей, из-за которых убивают. Что заработал, то и получи. И зачем стрелять в меня, зачем? Чтобы убить? Так меня не убили!

Щукин усмехнулся. Не убили. Но стреляли. Действительно, зачем?

– Ну, есть несколько человек, которых я выгнал с работы, – продолжал вспоминать Валентин, закуривая следующую сигарету. – Их считать врагами?

– Вам видней, – пожал плечами Щукин, глядя под ноги. Потерпевшему могло показаться, что следователю глубоко безразличны недавние выстрелы в гараже, но это не так. Щукин обдумывал вопросы, с помощью которых выстроится версия.

– Бред, – тряхнул головой Валентин. – Вы считаете, пьяница способен прийти сюда и стрелять? Руки тряслись после похмелья, поэтому не попал в меня? А где же пьяница взял пистолет? Выгнал-то я как раз любителей выпить на рабочем месте. Нет, это... этому названия нет.

Он помолчал, глубоко затягиваясь сигаретой, которую докурил до фильтра. Гася ее, Валентин мысленно вернулся на два часа назад:

– Знаете, я только помню, что он... он не торопился. Понимаете? Не суетился, а спокойно, хладнокровно стрелял. Суетился я. И метался по гаражу. А он был спокоен! Я вжимаюсь в стену, а он выбирает место, откуда ему удобней стрелять, поднимает руку, целится и...

– Скажите, Валентин, вам угрожали по телефону, письма присылали: мол, не делай то-то и то-то?

– Нет.

– С женщинами как у вас?

Самойлов поднял на Щукина непонимающие глаза.

– Я имею в виду, не мог к вам прийти оскорбленный муж?

– Я пять лет не интересуюсь женщинами, а замужними никогда не интересовался. У меня жена-красавица, я люблю ее, есть маленькая дочь, забот без того хватает.

Валентин говорил с долей возмущения. Следовательно, версия отпадает. Но это не значит, что женщины им не интересуются. А если отвергнутая женщина решила отомстить таким странным способом? Переделась в мужскую одежду, стреляла, получая удовольствие, когда Валентин от страха метался по гаражу. Почему он уверен, что это был мужчина?

– Где ваша жена? – спросил Щукин. – Почему она не прибежала на выстрелы?

– Уехала присмотреть новые материалы, через день вернется. Она экономист, помогает мне, ведет бухгалтерию. Мы планируем строить дома за свой счет, потом продавать их. Сейчас много интересных проектов частных усадеб, это доходный бизнес.

– А дочь где?

– У тещи и тестя на даче.

– Хорошо, – остановился Щукин напротив Валентина. – А друзья? Есть среди них завистники?

– Если друзья завистники, то это уже не друзья, – пожал плечами тот. – По большому счету мне завидовать не в чем. Я пашу как вол. Да, на жизнь хватает, но не на излишества. У моих друзей уровень примерно такой же. Хотя есть, конечно, и более состоятельные люди.

– Вы заметили рост стрелявшего?

– Представляете, в каком я был состоянии? – Самойлов в сердцах ударил себя по коленям. Если бы он понимал, что произошло, или хотя бы догадывался о причинах! Но он не понимал, поэтому нервничал не меньше, чем когда видел руку с пистолетом и слышал выстрелы. Через минуту он снова заговорил, понизив голос: – Мне он показался огромным, до потолка. Вообще-то я не из трусливых, честное слово. Просто это произошло так внезапно... и так быстро... Я ничего не видел, кроме черной фигуры. Даже пистолета не видел, он сливался с рукой, а с выстрелом на короткий миг вырывалось пламя... Пламя из дула я видел. Больше ничего.

– Ну что ж, «шутник» сегодня больше не придет...

– Полагаете, это была шутка? – почему-то оскорбился Самойлов.

– Я пока ничего не полагаю. Мой вам совет: выпейте водки и ложитесь отдыхать. А послезавтра прошу ко мне. До свидания.

Щукин вышел на улицу. Темно. В ночном воздухе стоял ядреный запах цветущей акации, он перемежался ароматами зелени. В этом году май относительно прохладный, зелень

лезет как из рога изобилия, а обычно к июню стоит жара, солнце успевает пожечь флору. Подойдя к автомобилю, Щукин оглянулся. В глубине двора небольшой домик, ворота гаража выходят прямо на улицу, посему не возникает вопроса, как «шутник» проник в гараж, он просто вошел с улицы за въехавшей машиной.

К Щукину подбежал Гена, сообщил, что никто из соседей не хочет разговаривать ночью.

– Завтра опросишь, – бросил он в ответ, открывая дверцу авто.

– Я такого цирка даже в кино не видел, – садясь в машину, хохотнул Вадик. – На что американцы фантазеры, и то не додумались слепить боевик из семи пуль мимо цели.

– В боевиках героев поливают из автоматов и не попадают, – возразил Гена. – Но я согласен с Вадиком: стрелять, целясь с двух шагов, и не попасть... это надо быть слепым. А по всем показаниям потерпевшего стрелок был зрячим, ведь Самойлов заверяет, что он ловил его, то есть выбирал место, и стрелял точно по Валентину. Но не попадал. Может, он не собирался попадать, специально стрелял мимо?

– В таком случае в поступке стрелка нет логики, – поспешил сказать Вадик. – Зачем он тогда вообще стрелял? Не знает, что за подобные шутки заводят уголовные дела? А что вы думаете по этому поводу, Архип Лукич?

– Честно говоря, не знаю, что думать, – признался Щукин. – Дело-то мы заведем, а вот доведем ли его до конца...

вопрос, конечно, интересный.

– Что тут думать, – пожал плечами Гена. – Совершенно покушение на убийство.

– Покушение! – хмыкнул Вадик. – Моя бы воля, я бы квалифицировал действия стрелка как разбойное нападение.

– С какой целью? – фыркнул Гена. – Ограбления не было, все цело.

– Тогда я бы назвал данный инцидент крупным хулиганством, – не соглашался Вадик. – Но покушение – это сильно круто. Стрелявший даже не ранил Самойлова.

– Ничего себе – хулиганство! – возмутился Гена. – Обоим выпустил и сбежал! Точно, это покушение, только смысл его непонятен.

– Не спорь, Вадик, – разворачивая машину, сказал Щукин. – Действия стрелка квалифицируются как покушение на убийство. Тебе напомнить? Убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку, а покушение – это когда некое лицо пыталось осуществить преступление, то есть убить, но не довело его до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Например, патроны кончились.

– Ой, да знаю я все наши закорючки, но не согласен с ними! – со свойственным ему максимализмом воскликнул Вадик. – Суть в чем? Если он пришел завалить Самойлова, почему не завалил? Ну да, бывает, сразу и не попадают, правда, с большого расстояния. Но ведь стрелок-то находился в гараже! Не прятался, не боялся, что его узнает Самойлов. Хо-

рошо, не попал раз... ну, два... пусть три раза не попал, но не семь же! На фиг тогда стрелять?

– Я думаю, стрелок припугнул Самойлова, – вывел Гена.

– В данной истории меня настораживает другое, – произнес Щукин. – У Самойлова нет заклятых врагов, у которых был бы повод убить его или припугнуть, следовательно, трудно будет установить мотив. А стрелок пришел, имея мотив.

– Ничего, ночь переспит, вспомнит, с кем в детском саду горшками дрался, глядишь, и тайный враг найдется, – успокоил Вадик. – Нет, не понимаю! Почему он стрелял? Или даже так: почему он не попадал?

Молчание. А что тут скажешь?

Почти два дня Щукин провел в раздумьях, которые с полным основанием можно назвать философскими сетованиями на жизнь. Только-только он почувствовал себя уверенно, увидел в глазах коллег уважение, начал готовиться к дальнейшим удачам, как вдруг судьба состроила рожу: держи невыигрышное по всем статьям дело. Зацепок нет, как и нет мотива, нет ни одного подозреваемого, нет даже идеи, при помощи которой можно набросать хотя бы приблизительный план расследования. Зато есть улики – гильзы и пули. Но где тот пистолет, из которого выпустили семь пуль, у кого? Перспектива маячит не радужная: Щукин покрутится, побегает, затем положит дело на полку, то есть оно останется нераскрытым, как уже было неоднократно. Недавний успех забу-

дут, Архипу Лукичу снова прилепят ярлык бездарного следователя.

Щукин открыл окно, гроздь белых цветов акации висели прямо перед ним, в кабинет вползал тонкий аромат. Архип Лукич протянул руку, сорвал кисть акации и поднес к носу. А вон и первые пушинки полетели, скоро без очков станет невозможно выйти на улицу – тополиный пух закует город, как в вату, люди будут ругаться, жаловаться на аллергию и с нетерпением ждать спасительных дождей. А Щукин в отличие от многих любит тополиный пухопад, может часами наблюдать за беспорядочным полетом белых хлопьев и удивленно поднять брови на вопрос: «Чем же они вас привлекают? Наверное, оторванностью от основания – от дерева. Летят они себе и летят, и куда их занесет ветер – не знают». Куда Щукина приведет новое дело, он тоже не знает.

Из показаний свидетелей, которых опросили Вадик и Гена, ничего не ясно. Выстрелы слышали, мужчину в черном плаще и в шляпе видели немногие. Он вышел из гаража (не бежал!) и скорым шагом ушел в сторону балки. Балка – место безлюдное, заросшее растительностью, но и там, то есть напротив нее, живут люди. Вадик и Гена опрашивали всех, вдруг кто-то заметил «шутника», ведь выстрелы слышны далеко, наверняка они испугали людей.

Щукин взглянул на часы. Время подходило к концу рабочего дня, а Валентин Самойлов не явился. Почему? Неужели он не заинтересован в расследовании? Или все же нечаянно

выяснил, что стрелявший был не мужчиной, а женщиной? И теперь Валентин попросту не хочет скандала с женой? Такое вполне может быть.

2

За руль села Муза, Валентин был не в состоянии ничего делать. Приехав домой, она нашла мужа в удручающем состоянии. Не то чтобы он запил, ныл или трясся от страха, нет. Валентин соответствовал слову «мужчина», умел держать себя в руках, а переживал внутри, правда, при этом становился угрюм и молчалив. Лучше бы посуду побил, поскандалил, ну хоть как-то выплеснул ком ужаса, который пережил два дня назад и который продолжал удерживать его в плену. Когда Муза к нему обращалась, Валентин старался быть таким, как раньше, но... Как раньше, он уже не будет. Что-то с ним произошло невообразимое, событие, которое не под силу осмыслить разумом, и, хотя все кончилось благополучно, Муза чувствовала это «что-то» у себя за спиной. Оно притаилось и замерло в ожидании удобного момента...

Сначала Муза не поверила рассказу Валентина. Но, увидев следы от пуль, услышав рассказы соседей о ночных выстрелах, она едва не умерла. Родного, любимого, ненаглядного Валентина могло не стать! Муза не представляла себе жизни без мужа. Собственно, без него жизнь ей вообще не нужна. «Я люблю» – это не просто слова, это океан счастья, который выпадает одному человеку из миллиона. Счастье выпало ей. Конечно, благосклонности Музы добивались многие другие парни, с ее внешностью можно было выйти

замуж за «толстого кошелька», и такие кошельки бегали за ней. Но Муза ценила себя дороже самого «толстого кошелька». Она и сейчас помнит первое знакомство с Валентином, будто это было вчера. Произошло это на улице, на остановке. Она собралась ехать к одному парню на день рождения и вдруг услышала:

– Девушка, если вы откажетесь со мной погулять хотя бы час, я умру у вас на глазах прямо на этой остановке.

Оглянувшись, увидела Валентина и подумала: «Балабол». С ее стороны чувства с первого взгляда не было, любовь одурманила Музу чуть позже. А тогда она сказала, что занята, и прыгнула в троллейбус. А он... он запрыгнул за ней. Вышел тоже с ней, шел сзади до самого подъезда того дома, куда шла Муза. Хлопнула за ее спиной дверь подъезда, и, казалось, они больше не увидятся. Муза веселилась на дне рождения, забыв о случайной встрече, а когда отправилась домой в сопровождении именинника, столкнулась с Валентином там, где оставила его, – у подъезда. Удивилась, не более. Валентин снова пошел следом и таким образом узнал, где живет Муза. На следующий день он караулил ее с утра и с цветами. Вручил букет, сказал, что сейчас торопится на работу и что вечером будет ждать ее у входа в парк. На свидание она пришла из любопытства, а через неделю осталась у него. Потом они забрали ее вещи из родительского дома. Расписались, когда вот-вот должна была родиться Ирочка. К этому остается прибавить пять лет счастья. И какой-то него-

дядя хочет украсть ее счастье? Не бывать этому никогда! В запале Муза остановила машину посередине дороги (хорошо, хоть за городом, где транспорта мало) и повернулась к мужу со словами:

– Надо купить пистолет. Нет, два. Один тебе, второй мне.

– А тебе зачем? – вяло поинтересовался Валентин.

– Буду охранять тебя.

Он закинул руку ей на плечо, притянул к себе:

– Глупенькая. Кого из убитых спасли пистолеты, охранники, толстые стены и высокие заборы? Все, на кого покушались, покоятся на кладбище. Но меня не убили. Странно, да? Он стрелял четко в меня и не убил.

– Есть еще вариант, – была полна идей Муза. – Давай найдем детектива.

– Знаешь, сколько денег надо на детектива?

– У нас есть приличная сумма!

– Это же на новую мебель...

– Ты ценишь свою жизнь дешевле мебели?! – отстранилась она от мужа и заглянула ему в лицо. – Ненормальный! Лично мне мебель не нужна. И даже дом можем продать. И машину. Что там у нас еще ценное есть? Обручальные кольца, моя цепочка, серьги...

– Это ты ненормальная. А где жить будем?

– Мне все равно, – снова прижалась к нему Муза. – На даче у родителей проживем, потом ты построишь новый дом. А без тебя мне ничего не нужно, ничего! Я очень хочу узнать,

кто это сделал. Вдруг он придет второй раз... и тогда...

Муза старалась держаться, но захлюпала носом.

– Ну вот... – крепче прижал Валентин жену. – Не переживай, все образуется... Я совсем забыл... Разворачивай машину! Мне же к следователю!

– Не верю, что следователь будет разбираться, – круто разворачивая автомобиль, сказала Муза категоричным тоном. – Наши органы только жиреют в кабинетах.

– Он худой, – мягко возразил Валентин, кисло улыбнувшись.

– Значит, ему платят мало, потому что он плохой следователь.

– Другого у нас нет.

– Посмотрим, что он собой представляет, – с угрозой произнесла Муза.

Валентин покосился на нее и снова улыбнулся. Пройди он тогда мимо остановки – и жил бы до сих пор один. Как угадал, что эта невысокая, хрупкая на вид почти девочка нужна ему? Случаются иногда парадоксы. Муза и сейчас выглядит как девочка. Правда, характер у нее крепкий, она не размазня. За последние двое суток лишь встреча с женой принесла радость. Но событие в гараже оставалось главным и непонятным.

Щукин уже готов был сам ехать к потерпевшему, потеряв надежду дождаться его. Но вот в кабинет кто-то робко по-

стучал, затем вошли Валентин Самойлов и... смуглая статуэтка с черными волосами ниже плеч и синими глазами. Да, необычно смотрелись синие глаза на смуглом лице. Шукин остановил на ней вопросительный взгляд.

– Это моя жена, – понял немой вопрос Валентин.

– Очень приятно, – сказал Шукин, чтобы смягчить следующую фразу: – Подождите мужа в приемной.

Статуэтка пыхнула, однако оставила их одних.

Муза оглядела коридор, который следователь назвал приемной, недовольно фыркнула и уселась на один из стульев. Коридор пустой. Подумав, Муза подобралась к двери, прислушалась. Ничего не слышно! Как бункер! Раздосадованная, она вернулась на место.

– Присаживайтесь, – предложил Шукин, указав ладонью на стул.

Валентин сел напротив, с напряжением ждал, что скажет человек, в руках которого его жизнь. А тот вдруг спросил:

– Я забыл, сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– А жене?

– Двадцать девять... Это имеет значение?

– Все имеет значение, – многозначительно произнес Шукин, хотя возраст супругов действительно не относился к делу. А напряженность Самойлова значение имела: не пойдет беседа – не выяснится ничего существенного. Архип Лукич предпочитает сначала расположить к себе человека, чтобы

тот доверял ему, а потом уж он приступал к опросу. Кстати, незначимые вопросы способствуют размягчению атмосферы. – Вспомнили что-нибудь?

– Вы разговариваете со мной так, будто это я стрелял, – хмуро сказал Валентин, но не грубо. – Что я должен был вспомнить?

– Кто и почему мог стрелять в вас?

– Да, я думал об этом. Постоянно думаю. И... ума не приложу, кто это был.

– Вы занимали крупные суммы?

– Конечно, занимал. Однако на данный момент у меня долгов нет.

– Понимаете, Валентин, вы должны откровенно отвечать на все мои вопросы, даже неприятные для вас, а такие будут. Я обещаю, что ваши откровения останутся в этом кабинете. Обратите внимание, я не веду протокол...

– Думаете, утаиваю от вас свои грешки? – обиделся Валентин. – Вы же наверняка считаете, будто я что-то натворил, кого-то обобрал...

– Но ведь на вас покушались, – мягко и одновременно с нажимом поставил его перед фактом Щукин. – Согласитесь, покушаются далеко не на каждого жителя нашего города. Должны быть причины. Или мотивы, как у нас говорят.

– Я не дуб, что к чему, понимаю. Если бы знал причины, так бы и сказал: этот меня ненавидит за это, а тот за то. Я, извините, заинтересован остаться в живых, а сейчас у меня

нет уверенности, что тот человек не придет второй раз.

– Убедили, – сказал Щукин. – А вы уверены, что стрелял мужчина?

Валентин явно озадачился. Было видно, как он как бы прокручивает пленку фильма с покушением на себя, припоминает детали. Наконец он встрепенулся:

– Это был мужчина.

– Точно? – с сомнением спросил Щукин. – Вы утверждаете, что тот человек был одет в длинный плащ и шляпу и что лица его вы не видели.

– Это был мужчина, – повторил Валентин. – Не знаю, как объяснить... поступь, движения, фигура были мужские.

– Но вы же его плохо разглядели, – подлавливал его Щукин.

– На что вы намекаете? – вспыхнул Валентин.

– Вы молодой и красивый мужчина, наверняка нравитесь женщинам. Не могла ли отвергнутая вами женщина...

Валентин расхохотался, в его хохоте ясно слышалось отрицание подобной версии. Смеялся Валентин недолго, после чего твердо сказал:

– Пять лет назад я расстался со всеми женщинами. Когда женился. Что же они раньше не отомстили мне, неверному?

Что ж, версия разбилась в пух и прах. Но так же не бывает, чтобы стреляли без причины! Щукин скрыл разочарование, протянув лист и авторучку Самойлову:

– И все же... вот, возьмите... – Валентин все взял, приго-

товился писать. – Напишите имена и фамилии всех ваших знакомых, друзей, включая женщин.

– Моих друзей подозревать... глупо. – Валентин положил авторучку на стол, отказываясь кляузничать. – Извините.

– Пишите, – настойчиво сказал Щукин. – Я же не советую, как вам строить дом? Разбираться, виновны или не виновны ваши друзья, наша работа. В вас стреляли, мы обязаны проверить всех, кто вступал с вами в контакт. Иногда результаты проверок удивляют потерпевших. Так что пишите, Валентин, пишите. Не забудьте адреса и место работы. Можете курить.

Нехотя Валентин взял авторучку. Щукин подошел к окну, вдохнул запах акации и повернул голову в сторону Самойлова, с интересом изучая его профиль, фигуру. Сейчас мало встретишь молодых мужчин, от которых веет прочностью, чаще веет порочностью или же бесхребетностью. Валентин излучал прочность, основательность, силу. Это неважно, что в данную минуту он был растерян и напуган, другой бы на его месте не дожил до седьмого выстрела – умер бы от разрыва сердца. Просто сейчас ему трудно пережить внезапное, ни на чем не основанное покушение. Хотя так ли уж ни на чем не основанное? Сам Валентин не помнит, с кем у него были серьезные трения. А родственники? Интересно, что они о нем знают?

– У вас есть мать? – начал Щукин.

– Есть.

– Она с вами живет?

– У нее своя квартира, – продолжая писать, отвечал Валентин. – Две хозяйки на кухне – это атомная война, не согласны?

– Полностью согласен. А где она живет?

– На улице Каховского.

– Вы ей говорили о покушении на вас?

– Нет, что вы! Она же перепугается до смерти.

– И отец у вас есть?

– Нет. Отца я плохо помню. Он погиб.

– А что с ним произошло?

– Его застрелили, когда я был маленьким.

– При каких обстоятельствах?

– Не знаю. Мама не любит об этом рассказывать, а я последний раз стараюсь не тревожить ее. Она не вышла второй раз замуж, так любила отца. Зачем берeditь старое?

– Верно, – согласился Щукин и вернулся на свое место. – Ну, а бабушки с дедушками живы?

– Родители мамы не так давно умерли, а мать отца жива и здорова, ей семьдесят девять, отлично выглядит, все делает сама. Деда я вообще не знал, его... тоже убили. – Валентин поднял глаза на Щукина и горько усмехнулся: – Прямо напасть на нашу семью.

Архип Лукич невесело подумал: «Значит, это у них семейное – превращаться в мишень по чужой воле».

– Такое иногда встречается, – заверил его Щукин, а то,

чего доброго, парень совсем свихнется и побежит к гадалкам, а те будут рады стараться, наплетут вагон небылиц, дабы выманить побольше денег. – Я в фатальность не верю, но был не раз свидетелем случайных совпадений, примерно как ваш случай. Остается признать, что фатальность все же существует. Но вы не отчаивайтесь. Написали?

– Не всех.

Валентин продолжил строчить, а Щукин задал очередной вопрос:

– С родственниками жены у вас хорошие отношения?

– Нормальные. Сначала они не очень приняли меня... ну, теща и тесть. Я же вроде как рабочий, хотя и окончил институт, строительный. Теща и тесть считают, что в рабочей среде одни пьяницы и лодыри. Потом ничего, смирились. С братом Музы я не очень контакту, а с сестрой подружился с самого начала.

– Вашу жену зовут Муза? – изумился Щукин.

– Да, – наконец улыбнулся Валентин. – Это тесть дал ей такое имя. Она младшая и поздний ребенок, с ее рождением он почувствовал себя молодым и ощутил жажду жить, как он говорит, поэтому и назвал дочь Музой. Мне нравится – необычное имя. Да и вообще жена у меня необычная: всегда у нее есть какие-то идеи, она очень энергичная, за что ни берется, все у нее получается, отличная хозяйка...

– Ревнивая?

– А как же! – протянул он довольным тоном. Видимо, Са-

мойлов и его Муза относятся к ревности играючи, а ведь это чувство заводит некоторых ой как далеко. – И я ревнивый. Правда, она пока повода не давала, а там... посмотрим. Все, написал.

– Вы благополучный человек, – беря лист, сказал Щукин.

– Раз в меня стреляли, то не совсем.

Попрощавшись, Валентин вышел в коридор, Муза подскочила на стуле:

– Что он говорил?

– Не здесь, – шепнул Валентин и побрел к выходу.

Муза сначала шла за ним, а потом отстала и вихрем влетела в кабинет Щукина, который немало удивился неожиданному явлению. Он не успел рта раскрыть, как Муза очутилась у его стола и заговорщицки зашептала, опершись руками о стол:

– Извините, пожалуйста, что отвлекаю вас, но... Поймите меня правильно, в моего мужа стреляли, я хочу знать, кто это сделал. У нас есть... В общем, я вас прошу, разберитесь во всем, я... то есть мы... заплатим вам.

– Да? – Щукина забавлял и ее вид, и ее волнение, и ее детскость. – Сколько?

– У нас есть сорок тысяч, – выпалила она.

– Так мало?

– Мало? – растерялась она, однако быстро сообразила, что надо говорить при сделках: – Вы скажите, сколько надо, я достану.

– Девушка, за дачу взятки статья 291. А взяточнику положена предыдущая статья, 290. Вас это устраивает? Меня нет.

– Меня тоже, – надула она полненькие губки. – Я так боюсь...

– Только это вас и оправдывает.

– Муза! – открыв дверь, строго окликнул ее Валентин. – Ты что здесь делаешь?

– Ваша жена хотела услышать из первых уст, как обстоят дела, – выручил его супругу Щукин. – К сожалению, пока я не мог ее порадовать.

Валентин взял за руку Музу, которая бросила «спасибо», и вышел вместе с ней. Архип Лукич остался один.

3

Три дня пролетели бесплодно, четверг подходил к концу. Вадик обходил жителей в районе балки, Гена опрашивал друзей Самойлова, где те находились с десяти до двенадцати пятнадцатого мая. А Щукин выяснил, что строительная фирма Валентина на хорошем счету в городе, что таких фирм много и что половина из них пользуется спросом, как и фирма Самойлова. Правда, ни в одного босса других строительных фирм не стреляли.

Теперь Щукин задумался, куда ему грести дальше. Честно говоря, самолюбие его было задето. Чтобы из-за семи выстрелов он слетел с пьедестала толкового следователя? А ведь взобрался на него с трудом и совсем недавно. Нет уж, нет уж! Как ни отрицает Валентин грязные делишки, а именно они ведут к такого рода инцидентам. Архип Лукич вздрогнул от стука в дверь:

– Да-да!

– Добрый день! – вошел эксперт.

Несмотря на свои шестьдесят девять лет, Натан Ефимович продолжал работать. И хорошо, ибо до его знаний современным молодым экспертам было далеко. Высокий, степенный, с густой шевелюрой седых волос, пожилой мужчина выглядел бодрым, стариком его назвать ни у кого не поворачивался язык. Щукин не раз удивлялся: откуда черпают

силы старики? Почему слово «пенсия» для многих звучит как смертный приговор? Например, Архип Лукич с удовольствием отправился бы на пенсию, да вот только возраст его не позволял. Впрочем, а кто будет работать, если такие, как Натан Ефимович, покинут следственные органы?

– Я решил самолично доложить вам о результатах баллистической экспертизы, – густым баритоном сообщил Натан Ефимович. – Стреляли из пистолета системы «вальтер», модель П-38, образца тридцать восьмого года, был принят на вооружение в фашистской Германии в качестве основного образца. Между прочим, внедрение пистолета П-38 началось с вооружения офицерского состава, поэтому неофициально этот пистолет так и назывался – офицерский. Он должен был вытеснить со временем знаменитый «парабеллум», которым пользовались обычные солдаты.

– Ай, как интересно, – кисло буркнул Щукин, пока Натан Ефимович разворачивал лист бумаги и надевал очки.

– «Модель П-38 калибра девять миллиметров, – читал он. – Общая длина двести двенадцать мм, длина ствола сто двадцать пять». Кстати, – взглянул он на Щукина поверх очков, – «вальтеры П-38» со стволом длиной всего шестьдесят восемь миллиметров использовали в гестапо. А у нас обычный офицерский пистолет... правда, он не у нас, а у стрелка. Далее. «Общий вес девятьсот девяносто граммов, в магазине... восемь патронов». – Он снял очки, пододвинул лист Щукину, но, поскольку тот не взял его, а будто ждал еще све-

дений, Натан Ефимович развел руки в стороны и произнес: – Все.

– Неужто металлолом стреляет? – вяло пошутил Щукин.

– Еще как! – пробасил Натан Ефимович. – Оружие времен Второй мировой войны, даже пролежав под слоем земли, способно стрелять. Качество тогда было исключительно высоким. А наш стрелок постоянно смазывает его, чистит, о чем говорят следы смазки на гильзах. В общем, он содержит оружие в прекрасном состоянии.

– А хозяина «П-38» не назовете?

– Это уже ваша работа. Свою мы выполнили.

– Эх, если бы еще кто-то подсказал, с чего начинать... – вздохнул Щукин. – Нет убийства, нет ранения, нет ограбления. Есть покушение на жизнь Самойлова, но... выглядит покушение странно, нелепо. Некто вошел в гараж, тщательно целился в Самойлова, стрелял... Натан Ефимович, вам попадался подобный мазила?

– Вы упустили одну деталь, – не ответил на вопрос эксперт. – А я вам о ней сказал.

– Какую?

– Я ведь и пришел к вам, имея кое-какие мысли по этому поводу, – вновь не ответил прямо эксперт. Щукин заинтересованно приподнял брови – ему сейчас пригодилась бы любая идея. – Я работаю экспертом с пятьдесят пятого года в нашей системе, еще проходя учебу, ездил на выезды с группами... Много чего довелось увидеть. И знаете, Архип

Лукич, у меня есть одна маленькая страсть. Кто-то собирает бабочек, гербарий, марки, а я смолоду вел учет преступлениям, с которыми приходилось сталкиваться, по каждому у меня заведена отдельная папка, так что имеется больший архив. С фотографиями! Я сам отлично фотографирую. И не без гордости признаюсь: мои архивы пригодились. Да-да! Частенько ко мне обращались те, кто пишет книги или учебники по криминалистике, тактике и методике отдельных следственных действий... Но сейчас не о том речь. Видите ли, меня несколько смутила фамилия потерпевшего. Она у меня почему-то, как говорится, на слуху, только не мог вспомнить, где и когда я ее слышал.

– И что же? – замер Щукин. – Фамилия распространенная.

– Безусловно, людей с фамилией Самойлов много, это подтвердит даже телефонная книга, а туда внесены далеко не все носящие эту фамилию. Но у меня связывалась она с преступлением. Просидел я, разбирая архив, два дня. И знаете, нашел! – Натан Ефимович поставил на стол кейс, волнуясь, открыл его, достал папку. – Прелюбопытная открылась штука. Архив я просматривал с конца, то есть сначала шли девяностые годы, потом восьмидесятые, семидесятые... И вот, смотрите!

Он вынул старую папку-скоросшиватель из серого картона, с засаленными тряпичными завязками, на которой крупным печатным шрифтом стояло: «Дело номер...» Но цифр

не было, а под «делом» что-то написано от руки. Натан Ефимович подал папку Шукину, тот взял, не сводя глаз с эксперта, открыл. Но прежде чем заняться изучением собранных в ней материалов, сначала выслушал его.

– Так вот, в семьдесят пятом году был убит некий Самойлов Георгий Фролович, год рождения 1945-й. А теперь смотрите сюда... – Натан Ефимович перегнулся через стол и все листы вместе с фотографиями перевернул, оставив последний. – Читайте.

– «Смотри 1961 год», – прочел Шукин и непонимающе уставился на эксперта.

– Вот это убийство, – положил перед ним еще одну папку Натан Ефимович. – В шестьдесят первом году был убит Самойлов Фрол Пахомович, год рождения 1906-й. Улавливаете?

– М-м-м... – промычал Шукин, соображая. – Они родственники.

– Разумеется! Сначала был убит отец в шестьдесят первом, потом его сын в семьдесят пятом. Но! Посмотрите в конец.

Шукин перевернул страницы и увидел запись: «См. 1955 год».

– Что, был убит и дедушка?

– Нет. Вот папка. В том году был убит Хижняк Демид Харитонович.

– Он родственник этим двум?

– Нет. Убийство Хижняка произошло даже не у нас, а в шахтерском городе, километрах в восьмидесяти отсюда. Был Хижняк сначала... как бы точнее выразиться... что-то типа надсмотрщика. Дело в том, что после войны освобожденных из концлагерей пленных возвращали на родину, а потом заставляли отбывать новый срок на исправительных работах, ведь попадание в плен считалось предательством. Многих вообще из фашистского концлагеря отправляли в наши лагеря. Ну, вам это, думаю, известно. Так вот, Хижняк следил за работой шахтеров – бывших узников фашистских концлагерей. После смерти Сталина его перевели с должности надсмотрщика на должность начальника участка. Кстати, в день убийства Хижняка на той же шахте произошла еще одна загадочная смерть – шахтер упал в выработанную шахту. Когда делали вскрытие тела, врачи едва не задохнулись от алкогольных паров, отсюда сделали вывод, что это был несчастный случай. Правда, неясным осталось, зачем он пьяный пошел на шахту, к тому же один. Но, как говорится, пьяному море по колено. Краткие сведения об этом случае есть в папке Хижняка. А Хижняк был убит. В то время далеко не все следственные органы находились на должном уровне, работникам из центра приходилось выезжать на особо тяжкие преступления на места, так я и попал на это дело.

– А в чем связь между теми тремя убийствами и покушением на Самойлова?

– Сейчас поясню, – потирая руки и заерзав на стуле, ска-

зал Натан Ефимович. Он был страшно горд и сиял. – По хронологии первым убили Хижняка в пятьдесят пятом, потом Самойлова Фрола – в шестьдесят первом, только затем Самойлова Георгия – аж в семьдесят пятом. А теперь самое важное. Убийца стрелял из пистолета системы «вальтер П-38»! И последнее. Он выпустил в каждую жертву по семь пуль! Да, во всех трех телах было по семь пуль, отсюда проистекает: почерк один, значит, убивал тоже один и тот же человек.

– Ничего себе!

У Щукина мороз пробежал по коже: неужели предстоит копаться в делах давно минувших дней? Как убийства в далеком прошлом связываются с покушением на Валентина Самойлова? Этого просто не может быть. Тем временем Натан Ефимович, довольный произведенным впечатлением, имел в запасе еще одно интересное сообщение, и он не замедлил его выложить:

– А теперь скажите: какое отчество у Валентина Самойлова?

Щукин полез в стол, достал протокол с места преступления:

– Георгиевич.

– Я так и думал! – торжествующе воскликнул Натан Ефимович. – Он – сын Георгия и внук Фрола Самойловых. Понятно? Совпадения быть не может.

– Ну и что? Валентин сам сказал мне, что его деда и отца

убили, но он не знает обстоятельств смерти. Еще пошутил: мол, что за напасть на его семью. Взаимосвязь-то в чем?

– В Валентина, – нарочито загадочно заговорил Натан Ефимович, – стреляли из того же пистолета, что в его отца и деда. Ошибки здесь нет. Когда вы прочтете результаты экспертиз тех лет и сравните с сегодняшними, сами поймете это. К тому же я сфотографировал пули с гильзами тогда и сейчас, снимки имеются в папках с подробными описаниями дефектов. Все дефекты совпадают с теми пулями и гильзами, которые мы изъяли в гараже Самойлова Валентина. Не знаю, кто так ненавидит эту семью и преследует ее, но налицо данность: против Самойловых существует заговор, который тянется из прошлого. Так-то!

Натан Ефимович, конечно, загнул насчет заговора, но совпадения были слишком очевидны. И одновременно нереальны. Щукин осведомился:

– Скажите, те убийства были раскрыты?

– К сожалению, нет. И последнее! – возвел палец вверх Натан Ефимович. – Вы, Архип Лукич, не обратили внимания на количество патронов в пистолете и количество выпущенных пуль. Патронов в «вальтере» помещается восемь, а пуль было выпущено семь во всех четырех случаях. Один патрон убийца оставлял. Интересно, зачем?

– Не знаю, не я же стрелял.

– А ведь и в этом существует некий смысл. Во всех случаях, включая Хижняка, выпущено семь пуль, а восьмую убий-

да оставлял. Ну, Архип Лукич, я вам дал все имеющиеся у меня материалы, а дальше вы уж сами с ними работайте. Мне страшно любопытно, что здесь кроется. Скажу только, что стреляли в Валентина Самойлова с какой-то целью. Мне так кажется. А вот почему не убили, как убили отца и деда... загадка. Да, да, загадка! Согласитесь, подобные загадки редкость. У вас не чешутся руки?

Ох, не до чесотки тому было! В душу Щукина залезла паника: кажется, над ним снова взяла шефство мадам Неудача. И только шестое чувство несмело подсказывало – пожилой эксперт дал ключик к разгадке чьей-то тайны.

Майский вечер замер в преддверии дождя. Скрипка то страдала в низких регистрах, то смеялась на высоких тонах, но не раздражала. Укутавшись в плед, Муза раскачивалась в гамаке и слушала переливы скрипки, которую терзал Софрон Леонидович – старинный папин друг. Одинокий Софрон Леонидович настолько привязался к Тригубам, что стал как бы полноправным членом семьи. Музыкант он самодельный, но тем не менее неплохой. Родители с детства готовили его в профессионалы, да не сложилось, время помешало, а оно на долю отца и Софрона Леонидовича выпало тяжелое. Однако трудно встретить более удовлетворенных во всех смыслах людей – он и папа ценят жизнь, умеют радоваться малому, а уж энергии в них хватит на десятерых.

Скрипка задержалась на тонюсенькой ноте, которая некоторое время дребезжала, словно пыталась сорваться со стру-

ны, и внезапно умерла. Муза вздохнула, перевела хмурый взгляд на дом. Как им всем там хорошо... Перед ужином решили послушать Софрона Леонидовича, наверное, сейчас рассыпаются перед ним в любезностях и комплиментах. Разве существенно, какую пьесу разучил Софрон Леонидович? Разве важна сейчас музыка? Да все они просто обязаны окружить заботой и любовью Валентина, а его оставили в покое, предоставили самому себе! Так нельзя. Муза сердилась на родных.

Первый раз после зимы на даче собрались все домочадцы, включая сестру и брата. Обычно это был маленький праздник в конце недели, потом субботний день проводили вместе, а к вечеру разъезжались кто куда, оставив родителям детей. Сегодня все не так – нет праздника, нет веселья, нет покоя. Валентин лежит наверху, изучает потолок, а Муза чувствует себя лишней в его обществе. Несколько дней подряд они приезжают на дачу после работы, и так проходит каждый вечер. Конечно, она понимает состояние мужа, сочувствует ему, переживает за него, но... надо же что-то и самому делать! Хотя бы трясти следователя. Пока Муза не разговаривает с ним на эту тему, щадит его, только бездействие еще никому не помогало, неужели Валентин не догадывается об этом? В общем, Муза была недовольна абсолютно всем и всеми.

– Мой цветочек поник?

Услышав голос отца, Муза не подняла веки, напротив –

меж ее бровями пролегла складка недовольства. Папа уместился рядом в гамаке, обнял ее за плечи:

– Мама велела идти на ужин.

– Папа, у вас все как обычно! – раздраженно бросила она.

– Ну, а что же нам делать, родная моя?

– Во всяком случае, не смеяться, не играть... Вы еще станцуйте!

– А дышать можно?

– Папа, мне не до шуток. Ты не понимаешь? Стреляли в моего мужа! Ему сейчас плохо. Мне тоже. Неужели нельзя создать атмосферу понимания? Это же вопрос элементарного такта.

– Мы и стараемся, чтобы Валентин не думал о том, что произошло. Но он сам отделился от нас, и это с его стороны неразумно.

Муза посмотрела на отца с негодованием. Она считала его образцом мужественности, ума и доброты. Но сегодня... Сегодня она не видела, как он великолепен, не видела, что он находится в прекрасной форме, несмотря на возраст, забыла, что гордилась им. Сегодня он несет чужие проблемы, которого не волнуют чужие проблемы. А Валентин и Муза не чужие ему!

– А если бы в тебя стреляли? – в запале спросила она. – Как бы ты себя вел? Веселился бы, показывая, какой ты храбрый, как все тебе нипочем?

– Муза, не надо так нервничать, – улыбнулся отец. – Сво-

им настроением ты подогреваешь страх в Валентине, а это состояние ведет к неосмотрительным поступкам и... даже к гибели. К сожалению, твой муж пестует свой страх, а не гонит его прочь, лежит на кровати и страдает. Мне... обидно за него, ведь Валентин мужчина, которому уже четвертый десяток.

– Ты хотел сказать, что тебе стыдно за него?

– Муза, сейчас мне стыдно за тебя. Ты взрослая женщина, мать и жена, а разговариваешь, как юная максималистка.

– Ну и что? – резко вскочила она. – Муж меня и такую любит.

Она вбежала в дом. Задержалась на лестнице, глянув, как мама с сестрой собирают на стол, притом еще щебечут, куда лучше поставить то или иное блюдо, будто более важных проблем нет, и вспорхнула на второй этаж. Они что, носороги с толстой кожей? Муза вошла в комнату, где обычно она и Валентин спят. Муж так и лежал, уставившись в потолок. Муза присела на край кровати:

– Нас зовут ужинать.

– Не хочу. Полежи со мной.

Муза сбросила шлепанцы, перелезла через него (он не любит лежать у стенки) и прижалась к нему, положив голову на грудь. Прошло несколько минут, Валентин размеренно гладил ее по волосам, молчал. Поглаживания убаюкивали Музу, от тепла тела мужа ей стало хорошо. Она приподняла голову и поцеловала его в губы.

- Муза! Валентин! Ужинать! – послышался голос мамы.
- Поехали домой? – вдруг предложил он шепотом.
- А как же... Я думала, что здесь тебе будет спокойней.
- Глупости. Хочу домой. Вдвоем побудем.
- Хорошо.

Она соскочила с кровати, за считанные минуты сложила вещи, Валентин взял сумку. Внизу все уже сидели за столом, звякали ложками и вилками, раскладывая еду в тарелки, лепетала детвора.

- Вы куда? – всполошилась мама.
- Домой, – ответила Муза. – Приятного аппетита!
- Ирочку заберете? – растерялась мама.
- Нет, – ответила Муза в дверях. – Всем – пока!

Дачники сидели, не произнося ни слова, пока не услышали звук отъезжающего автомобиля. Первым высказался Стас – брат Музы, который был старше Валентина всего на год:

- Расклеился, как слизняк.
- Хотела бы я на тебя посмотреть, будь ты на его месте, – укорила его Гела, старшая сестра. – Ты бы, дорогой братец, оказался в психушке.
- Вы хоть не ссорьтесь, – осадил детей глава семьи Трофим Карпович Тригуб.
- М-да... – протянул Софрон Леонидович. – Нам не такое доводилось пережить. Я до сих пор терпеть не могу овчарок, хотя собаки не виноваты. Знаете, было такое развлечение –

натравливать собак...

– Прошу вас, Софрон Леонидович! – заворчала Гела. – Уже столько было сказано о войне, что нет никаких сил слушать. Я понимаю, у вас тогда украли детство, родителей, вы едва выжили, но больше не могу слушать об этом. Извините.

– Гела, прекрати, – строго сказала мама.

– Не хлебнуть ли нам винца? – поднялся с места Трофим Карпович, держа бутылку. – Сегодня мы пьем вино урожая 1985 года. Осталось несколько бутылок. Правда, сейчас я вино делаю намного качественней.

– Папа, как ты можешь! – возмутилась Гела. – Зачем делать вид, что ничего не случилось? Будто вам все равно, останется Валентин живым или нет! А он, между прочим, муж вашей дочери и отец внучки.

– Милая, я хотел только отвлечь вас...

– Не надо нас отвлекать!

– Что ж, нам теперь плакать и рыдать? – вознегодовал Стас. – Тебе сорок, а до сих пор не научилась делать выводы.

– Какие? – окрысилась она.

– Если стреляли в Валентина, значит, за дело. Ну, не бывает такого, чтобы стреляли просто так. Наверно, кинул кого-то из рабочих, не заплатил, тот человек обиделся...

– Какая чушь! – проговорила Гела. – Давайте молча поужинаем, иначе аппетит пропадет и у меня.

4

Суббота – друг человека, так считает Щукин. Ибо в субботу работа и текущие дела отодвигаются, основным времяпрепровождением становится валяние на диване перед телевизором, из мыслей одна ласкает сердце – завтра безделье продолжится. Так он проводит выходные, изредка разнообразя их рыбалкой по воскресным дням. Щукин привык к одиночеству и находит в нем радость. Но в эту субботу встал Архип Лукич с утра пораньше, взял удочки и поехал на рыбалку, хотя для рыбной ловли день был неподходящий – с вечера собирался дождь и никак не мог разродиться ливнем, эдак будет и дальше тужиться. А причина перемены занятий – мысли. Щукин ломал голову над свалившимися сведениями, «отзвуки прошлого» его прямо-таки заинтриговали, и все же он отмахивался от них.

Расположившись на берегу реки, Щукин недовольно поморщился: первые капли беспардонно ударили по голове. Ну, раз уж отправился в столь неудачный день на рыбалку, то можно потерпеть. Он достал плащ-палатку, перешедшую к нему по наследству от деда, завернулся в нее, капюшон нахлобучил на голову и сел на складной стул. Капли запрыгали по воде, между всплесков терялись поплавки...

Итак, совпадение исключается, потому что таких точных совпадений не бывает. Деда и отца Валентина убили. Прав-

да, потомок Самойловых не знает обстоятельств их смерти. А вот Щукин теперь знает: в обоих выпустили по семь пуль из одного пистолета, значит, убил их один и тот же человек. Видать, достали кого-то предки Валентина крепко. А чем же достал неведомого стрелка он? На сей вопрос пока нет ответа, поэтому его следует отодвинуть в сторону. Есть и третий убитый. Стреляли в него из того же оружия и тоже всадили семь пуль. Совершенно это убийство в шахтерском городе, но было первым по счету. Какая связь между ними? Возможно, никакой, а возможно – прямая. Преступления остались нераскрытыми, шансов раскрыть их сейчас – ноль. Глупо даже надеяться. Только это пока единственная точка отсчета, приплывшая, можно сказать, с того света благодаря самодеятельному архивариусу Натану Ефимовичу, который со скрупулезностью безумца коллекционировал преступления. Занятное хобби.

А есть ли смысл в том, что говорил Натан Ефимович? В сущности, эксперт ничего конкретно не сказал, предоставил свой личный архив, на основании данных из которого у него... возникли чудовищные подозрения. Чудовищными они выглядят по одной причине – время. Вендетта... Звучит красиво, и именно это слово напрашивается после сообщения о трех убийствах в прошлом, но слишком уж много прошло с тех пор времени, и именно время должно было унести всех врагов Фрола и Георгия Самойловых. К тому же вряд ли кто стал бы стрелять, выполняя завещание отцов, да и если

бы такое произошло, то Валентина уже не было бы на свете неделю. И все же выстрелы прозвучали.

Только весьма странные совпадения – одна и та же фамилия, один и тот же пистолет, одно и то же количество пуль настораживают, заставляют не отвергать и версию вендетты. Процент случайности возможен? Безусловно. Но такой малюсенький, что его не рассмотришь даже под микроскопом. Так что версия с вендеттой, конечно, глупая, однако больше-то ничего и нет.

Сверкнула молния, и Шукин с опаской глянул на небо. Это уж ни к чему, это никуда не годится, так недолго и самому стать убитым молнией. Не поймав ни одной рыбешки, под раскатистый грохот грома Шукин быстренько свернул удочки, залез в машину.

Что ж, его ребята опрашивают возможных свидетелей. Парни они толковые, пускай этим и занимаются. А Шукин тем временем решил покопаться в прошлом Самойловых. Ну почему нет? Все равно выходные, а на диване лежать что-то не хочется. Итак, попутная цель определена: бабушка Валентина, жена его дедушки, которого убили. Бабушки, дедушки... Кажется, Архип Лукич потихоньку маразмизирует, но его выбор на бабушку пал не случайно: старушке почти восемьдесят лет, в такие годы она может окочуриться со дня на день и унесет с собой в могилу семейные тайны. Впрочем, что она помнит? Наверняка в ее памяти сейчас сплошные белые пятна. Но попытка – не пытка.

Щукин посмотрел на часы – звонить в столь ранний час неприлично. И он отправился домой. Позавтракал, ибо перед несостоявшейся рыбалкой всего-то выпил чаю, а в половине десятого позвонил Валентину:

– Вы говорили, ваша бабушка жива, жена вашего деда Самойлова...

– Фрола? – раздался сонный голос Валентина. – Ну да, жива. А что?

– Я бы хотел узнать ее адрес.

– А зачем? Это по моему делу?

– Не совсем, – ускользнул от прямого ответа Щукин.

– Понимаете, мне бы не хотелось, чтобы вы ей говорили о нападении на меня. У нее убили не только мужа, но и сына...

– Нет-нет, что вы! Я ничего не скажу, – заверил его Щукин. – Мне необходимо кое-что выяснить у нее. Возможно, это поможет разобраться и в вашем деле.

Валентин нехотя назвал адрес. Видно, не верил он в Щукина, но выхода у него не было, ведь жить хочется, это так понятно...

– Кто звонил? – вяло проямлила Муза.

– Следователь, – снова лег в постель Валентин.

– Наконец-то. Я уж думала, он забыл про нас. – Муза прижалась к мужу, закинула ногу на его ноги и пробормотала: – Там что, дождь?

– Угу. Спи.

Как хорошо спится во время дождя, и так уютно дома... Дом. Вчера, въезжая в гараж, Муза пережила не самые лучшие минуты в своей жизни. Оказывается, так страшно, когда думаешь, что вот-вот в проеме ворот появится неизвестный человек и начнет стрелять. Теперь этот дом, недавно лучший для нее на всем земном шаре, не казался уже безопасным. В самом доме Муза не боялась. Правда, тщательно закрыла шторы, проверила, нет ли где щели, и только потом включила свет. Сейчас рядом с Валентином тоже не страшно, но ведь придется выйти за пределы дома и ограды, и тогда страх обязательно появится. Кто же стрелял? Зачем он разрушил их с мужем покой?

– Из прокуратуры? – изучала Шукина с огромнейшим изумлением в глазах чистенькая старушка, а он стоял, открыв удостоверение. – Я без очков не вижу.

– Принесите, я подожду.

– Ладно, заходите. Золота и бриллиантов у меня нет, так что украсть вам нечего, да и мне дорожить нечем. Чай, кофе, водка?

– Кофе, – войдя за ней в комнату, сказал Архип Лукич. – Я сегодня встал рано, так что кофе выпью с удовольствием, чтобы взбодриться.

– А я, молодой человек, от кофе сплю крепче... – сообщила хозяйка квартиры уже из кухни.

Он рассматривал убранство ее дома. Скромно. Опрятно. Мебель старая. Вообще-то Шукин давно заметил, что лет

эдак с пятидесяти пяти люди перестают интересоваться новой мебелью, модной одеждой и прочими материальными ценностями, считая, что жизнь уже прожита, а до смерти того, что есть, хватит по горло. Вошла Дарья Ильинична с подносом, на котором стояли чашки, сахарница, баночка растворимого кофе. У бабушки Валентина была морщинистая кожа, сухие маленькие руки, выцветшие глаза, но для своих почти восьмидесяти лет она двигалась и выглядела отлично. Да, крепкие люди рождались раньше, потому и живут долго, а нынешние вымрут рано по причине дефицита моральной и физической закалки.

– Что вы хотите от меня? – спросила Самойлова.

– Видите ли, мы сейчас подводим итог прошлому веку... – начал он врать.

– Да на кой ляд вам прошлый век? – поморщилась она, уместившись в кресле. – Живите сегодняшним. Сейчас вон как интересно, не то что раньше.

– В прошлом есть много любопытных загадок, переключаящихся с сегодняшним днем, – выкрутился он. – Вы не могли бы рассказать о своем муже?

– О каком? – лукаво прищурилась Дарья Ильинична.

– А у вас их много было? – в тон спросил Щукин.

– Трое. Но любила я одного. Фрола. Его застрелили.

Настала очередь Щукина удивленно поднять брови. Старушка говорила о муже без тени печали. Время, черт возьми! Оно стирает боль и печаль утраты. Где уж докопаться до

истины в прошлом, когда пронеслось столько времени?

– Вот-вот, о нем бы я и хотел услышать, – сказал Щукин.

– Пригожий был мужчина, – улыбнулась Дарья Ильинична. – Он меня не любил. Никогда. Он никого не любил... Впрочем, я не права.

– Насколько мне известно, его необычно убили – семью пулями. Сейчас никого не удивит подобная жестокость, но тогда преступления такого рода были редким явлением.

– Чтобы понять, почему его убили, надо начинать издалека, иначе будет много неясностей.

– Простите, Дарья Ильинична, разве вы знаете, за что его убили? Убийство вашего мужа осталось нераскрытым...

– Как и убийство моего сына, – кивнула женщина.

Она задумалась, нахмутив брови. Значит, со смертью сына не примирилась до сих пор, что в общем-то объяснимо: одного мужа заменит другой, а сына никто не заменит, он единственный. Дарья Ильинична очнулась от задумчивости и произнесла ровным голосом:

– Да, не раскрыли. Но я знаю, кто их убил.

У Щукина вытянулось лицо. А она подтвердила свои слова:

– Знаю и всегда знала. Но никому не говорила.

– Дарья Ильинична, вы не могли бы мне раскрыть тайну? Дело в том, что вашего мужа и сына застрелили из одного пистолета, а недавно из этого же пистолета снова стреляли. К счастью, тот человек остался жив, а мы ищем связь между

убийствами близких вам людей и тем, что произошло недавно.

– Да нет, голубчик, связи тут быть не может.

– Я бы хотел удостовериться в этом тоже. Поймите меня...

– Да понимаю, что ж тут не понять. Ну, ладно, в то время я не могла рассказать все, что знала, на то у меня были причины, а сейчас их нет. Давно нет. О моем муже меня давно никто не спрашивал. Только это длинная и коварная история. Будете слушать? А то мы, старики, любим говорить без остатков. Поболтать-то охота, особенно когда тебя слушают.

– Конечно, буду.

– Ну хорошо. С чего бы начать...

– А с чего хотите, мне все интересно.

– Тогда начну со своего побега...

– Вы бежали? – шутливо изумился Щукин. Он старательно настраивал старушку на задушевность. – Откуда?

– Из деревни, миленький, из нее. Ха! Вы не представляете, что за время тогда было! Современному человеку понять это не дано. Ну, чтобы вам немножко стало ясно, отчего мы бежали и к чему прибежали, расскажу один маленький эпизод из своего детства. Я помню себя с четырех лет. Это будет как бы пролог, иначе вы не поймете разницу во времени и в людях.

...Смеркалось очень быстро. Дашутка притаилась в хлеву, с животинной не так страшно – корова жует, конь похрапы-

вает, согревая горячим дыханием, куры шевелятся, устраиваясь на ночлег. А в дом пришли дяденьки и горластая тетенька, Дашутка их испугалась и не вышла из хлева. Уж много времени прошло, а они все по двору шастали, из амбара мешки таскали да на телеги укладывали. Потом все ушли в дом, одна телега с мешками уехала, вторая стояла у плетня, и никого возле нее не было. Дашутка сквозь щели все хорошо видела. Вдруг из дома выбежал отец. Она позвала его:

– Папаня! Папаня!

– Дарья! – шепотом воскликнул он и ринулся в хлев. – Я уж думал: куды ты подевалась? Ступай за мной...

Он вывел коня, оглядываясь на дом, но занавески мать задернула плотно, там, внутри, лишь тени мелькали. Усадив дочь на коня, велел:

– Скачи, Дашутка, в соседнее село, скажи: грабитель идут.

– Папаня, – разнюнилась Дарья, – боязно одной-то...

– Не реви, большая уж. За гриву держись, править я тя учил. Скачи, доня, людям и так жрать нечего... хлеб даром не дается, а они его задарма отбирают. Запомнила? Грабитель идут. У нас уж забрали. Предупреди...

Ударил он коня по крупу, тот вместе с крохой на спине побежал трусцой. А отец схватил верхний мешок на телеге и потащил к обрыву. Дашутка все назад смотрела, куда это папаня мешок тащит, а он с обрыва его сбросил. В реку! Мешок муки! И не жалко?!

Конь словно знал, куда ему идти. Дашутка легла на его

шею, уцепившись ручонками за гриву, и от страха жмурилась. Папаня, конечно, учил править, да всегда рядом шел, а сейчас... ну, как свалится она с коня? Падать высоко, потом не взберешься. А как голову расшибешь да помрешь на дороге? И темень страшная. Ей сразу сказки про нечисть вспомнились. Ну, как оборотни выскочат да съедят Дашутку вместе с конем? Шатко ехать, то и дело она сползала то в одну, то в другую сторону, руки и ноги устали. Все свои силы Дашутка прикладывала, чтобы не свалиться с коня. А ночь чернее и чернее... холодно, осень...

Конь пришел в село, остановился. И чего дальше-то делать? Слезть Дашутка не могла. Глянула вниз, так и зашлось сердечко – до земли далеко. Она разревелась. Плакала все громче и громче от обиды, что одна, и от страха.

– Эй! Кто тама? – крикнул вдруг какой-то мужик.

Испугавшись еще больше, Дарья разревелась в голос. Прибежали мужик с бабой, стащили с коня.

– Да это ж Ильи дочка, из соседнего села, – сказала баба, взяв Дашутку на руки. Чувствуя безопасность, девочка обняла ее за шею. – Видать, заблудилась...

– Папаня прислал, – сказала Дашутка сквозь рев. – Грабить идут. У нас все забрали... и у вас отберут...

Мужик велел бабе отнести дите в дом, а после бежать по соседям и предупредить их. Сам же кинулся спасать свое добро...

– Тогда у нас забрали все подчистую, – сказала Дарья Ильинична. – От ужина две картофелины осталось, так и их красноармеец сунул в карман шинельки. А я с тех самых пор в опасные минуты ощущаю себя на лошади. Но именно тогда я приобрела первый опыт выживания, поняла, что моя жизнь в моих руках. Страшнее той поездки не было у меня мгновения, она стала мерилom опасности. И я всегда думала: раз уж в четырехлетнем возрасте не свалилась я под копыта лошади и не свернула шею, то взрослой все преодолею.

– Как же отец отправил вас ночью такую маленькую одну?

– Больше-то некого было послать. А отец подумал о людях. Помогали тогда друг другу, какая-то сплоченность была. Зато позже...

– Извините, а зачем он мешок в реку сбросил?

– Отец, оказывается, попросился тогда до ветру, то есть в туалет, на самом деле решил украсть свое же. Он успел сбросить в реку два мешка. Мука в воде превращается в плотный клейстер, но только ее верхний слой, далее вода не просачивается. Мешки потом вытащили, подсушили, верхний слой окаменел, а внутри осталась мука. Год мы на ней и продержались. Не рискни отец, подошли б с голоду. А рисковал он страшно, могли расстрелять за саботаж. Понятно, от чего мы бежали?

– М-да...

– В город переехали в тридцатом году, обосновались. Во время сбежали из деревни! Вскоре в городе всем выдали пас-

порта, а деревенским не дали. Представляете? Крестьяне не имели права уезжать из деревень, без паспорта за нарушение режима строго наказывали, например, в лагерь отправляли на исправительные работы. А какой смысл жить в рабстве? Пашешь, пашешь, все равно отнимут, а ты как хочешь, так и живи. Ну, вот представьте, вы заработали много денег, а кто-то говорит: отдай. Как это называется?

– Грабеж.

– То-то и оно! Государство грабило нас, и называлось это то продразверсткой, то продналогом. А потом еще эту чертову коллективизацию объявили. Ой, чайник свистит! Не могли бы вы сами...

– Да-да, – подскочил Щукин.

Он принес чайник, налил себе кофе, а Дарье Ильиничне – чаю.

– Город я сразу полюбила. Все мне там нравилось, мир виделся красочным... – продолжила она мечтательно. Видимо, это были приятные воспоминания. – Впрочем, он и сейчас красочный, катаракта только мешает его видеть. А росла я... оторва да и только! Наши мытарства пропущу, это неинтересно, скажу лишь, что отец хоть и мужик был, а умом не обделен. Выучился грамоте, поступил на завод, а мама то стирала, то готовила у людей по найму. Но папе привалило счастье: дали полуподвальное помещение, мы стали там жить, разделив его перегородкой на две комнаты. И была у меня сестра Василиса, красоты неопишуемой. Вообще-то я

тоже красавицей была, честное слово! – улыбнулась старушка. Конечно, сейчас в это трудно было поверить, но Щукин закивал, мол, верю. – Мы ж деревенские, кровь с молоком. Василиса замуж вышла, но мужа вскоре зарезали в пьяной драке, так что вдовой она рано стала, хорошо хоть детей не родила. В тридцать восьмом году новый дом прямо напротив нашего клоповника заселили военные. И не простые, а кадровые офицеры. Знаете, какими были те офицеры?

– Особенными?

– Образ современного офицера весьма неприглядный. Во всяком случае, то, что мы видим по телевидению и читаем в газетах, приводит в шок. Недаром родился анекдот: офицер царской армии до синевы выбрит и слегка пьян, офицер советской армии слегка выбрит и до синевы пьян. Так вот в то время офицеры были элитой. Посудите сами, на сторону большевиков перешло довольно много офицеров царской армии, благодаря им красные немало побед одержали в Гражданскую войну. Затем многие из них стали преподавать в военных учебных заведениях, воспитав не только отличных военных, но и культурных, достойных уважения людей.

– И что с ними стало? – намекнул Щукин, мол, я неплохо знаю историю.

– Это отдельный вопрос. В нестабильное время на одного порядочного человека всегда приходится десять негодяев. Естественно, негодяев было полно и в армии. Как и везде. Так вот, к полковнику Огареву наша Василиса нанялась

домработницей...

5

– Васечка... – канючила ночью Дарья, тормоша сестрицу в постели. – Ну, Расскажи, Расскажи: как они там живут? Чего у них есть?

– Отстань, спать хочется, – уткнулась носом в подушку Василиса.

– Васечка, экая ты... – толкала ее Дарья. – Ну же! Полковник Огарев такой... важный... такой серьезный... видать, умный-преумный. А жена у него, ну, такая красивая-красивая... как картинка?..

– Вовсе не красивая, – перевернулась на спину Василиса. – Худая. Мне б ее одежу, я б куда краше была. И папиросы курит. Тьфу!

– Это ты, Васька, от зависти...

– Кому по хребту врезать? – прикрикнул на дочерей из-за дощатой перегородки отец.

Дарья упала на подушку, тихо хохоча. Папаша лишь грозит, а ни разу пальцем не тронул. Потом она повернулась к сестре, замерла, глядя на нее. Свет от керосиновой лампы (папаня не разрешал электричество попусту жечь) падал на высокий лоб, матовые щеки, подбородок. Василиса лежала, о чем-то задумавшись, поглаживала русую косу.

Ваське двадцать пять лет, у нее есть комната в настоящей квартире – от мужа досталась, где на кухне по числу хозяев

двенадцать столов с керосинками стоят. Но Василиса часто ночевать к родителям приходила, чтоб кобели-ухажеры не надоедали. Каждый день папаша сестрицу чихвостит, мол, замуж иди, покуда зовут, а она ему: хозяйкой хочу сама над собой быть. А кто зовет-то? Голь перекатная да пьянь подзаборная. Ну, есть парочка приличных, так не нравятся они Ваське.

«До чего ж она красивая, – думала Дарья, глядя на сестру. – Только не скажу ей этого, ни за что не скажу!» Вообще-то Дарье все взрослые женщины казались необыкновенно красивыми. Она мечтала поскорее стать взрослой, постоянно ощупывала грудь, на сколько та выросла, да в зеркальце гляделась, хороша или не хороша. Вот станет женщиной, сошьет себе юбку узкую – точь-в-точь как у полковничихи Огаревой, и такую же блузку лиловую, и шляпку купит, да как выйдет... Ух!

– У них там четыре комнаты, – мечтательно прошептала Василиса. – Все большие, светлые. Спальня, где хозяева спят, детская, где мальчики играют и спят, потом столовая и кабинет. Кухня есть. Коридор квадратный. И зеркало висит в целый рост...

– Ух ты! – села Дарья. – А еще чего есть?

– Полы из паркета...

– А чего это такое?

– Это, – повернулась на бок Василиса и подперла голову рукой, – такие маленькие дощечки, плотно-плотно пристав-

ленные друг к дружке, а сделаны квадратиками, поняла?

– Ага, – кивнула Дарья, хотя ничегошеньки не поняла.

– Еще у них ванна есть...

– А это еще что?

– Это такое корыто, но большое и белой краской покрашено. В наше корыто только сесть можно, а в ванне лежишь, и вода тебя всю укрывает, поняла? И пианино стоит в столовой, на нем музыку играют.

– А что полковничиха делает?

– Елена Егоровна? Читает. Мальчиков воспитывает, гостей принимает. Еще она играет на пианино, и так быстро ее пальцы по клавишам бегают, будто цыплята клюют их. Она мальчиков учит, сама учит играть...

– Понятно, ничего не делает. Ой, Васька, а я заметила, какие у нее пальцы тонюсенькие и длинные, не то что у нас – лапищи.

– Отчего ж лапищи? – рассматривая со всех сторон свою ладонь, проговорила Василиса. – Я вон всякий раз после работы маслом постным руки смазываю. А у Елены Егоровны крема в баночках стоят и духи в пузырьках, пахнут...

– Цыц, дуры! – рявкнул снова отец за перегородкой. – Нет от них покоя. И лампу потушите, неча керосин жечь.

Василиса дунула на лампу, наступила тьма. Дарья крепче прижалась к сестре, зашептала о сокровенном:

– А скажи, хорошо ли замужем?

– Ничего хорошего там нет.

– Да? А чего ж папаша тебя замуж гонит?

– Вот сам пусть и идет.

– И тебе никто-никто не нравится? А Борька Власов? Он управдом, с портфелем ходит. Маманя говорит, любая за него пойдет. А Федька Косых?

– Нравится мне один, – вдруг призналась Василиса, легла на живот и заговорила так, что у Дарьи внутри защекотало: – Веришь, вижу его, и сердце колотится шибко-шибко, аж не продохнуть. А как глянет на меня, так все и опускается...

– Чего опускается?

– Не знаю. Кишки, наверно. Прямо падают до самых пяток. Скажи он мне лишь одно словечко, не устояла б.

– А чего сделала б? – удивилась Дарья. – Легла бы?

– Дурочка ты еще, – обняла сестру Василиса. – Я только сейчас и поняла, чего бабе от мужика надобно, но тебе рано об этом говорить. А зовут его Фрол Самойлов. Он тоже военный, к Огаревым приходит часто. До чего пригож... Только заметила я, что он на Елену Егоровну заглядывается. Или мне показалось?

– Показалось! – заверила сестру Дарья. – Ты вон какая красавица!

– Мать, подай кочергу, щас девок учить буду уважению, – застонал отец. – Мне завтрава вставать ни свет ни заря, а они... ух, выдры бессовестные!

Сестры замолчали и вскоре уснули. Не знала Дарья, что скоро ядовитая змея – вражда – проползет между ними, а

начнется все с малости.

Дарья приставала к Василисе, чтобы та показала ей, как живут Огаревы. Однажды сестра прибежала:

– Скоренько собирайся, мои все в гости уехали.

Накинув телогрейку, так как время было вечернее и осеннее, Дарья перебежала двор, поднялась на второй этаж за сестрой. Войдя в квартиру Огаревых, она рот открыла и не закрывала его до самого конца. Василиса, предупредив сестру, чтоб даже пальцем ничего не трогала, водила ее по комнатам и посмеивалась. Все увидела своими глазами Дарья: и зеркало в человеческий рост, и ванную комнату с большим белым корытом, и столовую с огромным круглым столом посередине, и спальню с кроватью, на которой поместилась бы вся ее семья, и детскую. У пианино не удержалась, приподняла крышку, пока Васька отвлеклась, и тронула белую клавишу. Бум-м-м! – задрезжала басом клавиша, Дарья вздрогнула сначала от этого звука, а потом от окрика сестры:

– Я ж сказала: не трогать! Идем!

– Покажи платья полковничихи! – упиралась Дарья. – Васька!

Но сестра уже тащила ее к выходу, пообещав показать платья в следующий раз. На крыльце у подъезда они столкнулись с высоким мужчиной в военной форме. Васька вмиг стала не Васькой, а другой – остолбенела, зарделась (красные щеки стало видать даже в сумерках), вся собралась, глаза опустила. «С чего бы это?» – подумала Дарья. Мужчина

отступил, пропуская девушек, но Васька незнакомым голо- сом пропела:

– Вы к Огаревым? А их нет. В гости уехали.

– Жаль... – протянул он и пошел прочь. На середине дво- ра остановился, вернулся. – Василиса, не поможете ли найти женщину, чтобы убирала у меня, готовила?

– Отчего ж! – возрадовалась та, а Дарья неслышанно удиви- лась: чего это Васька радуется, словно он ей отрез на платье подарил? – Конечно, помогу. Нынче не всякому доверишь- ся, люди так и нороят стащить чего... А вы... один живете?

– Один. У меня две комнаты, мебели почти нет, работы будет немного.

– А... – осталась довольна его ответом Васька. – Да вот, моя сестра подойдет.

– Не слишком ли мала? – взглянул он на Дарью, которая, к своему неудовольствию, почувствовала, что ее щеки тоже рдеют.

– Да что вы, Фрол Пахомыч! – рассмеялась Васька и вы- глядела притом душой. – Она уж большая, все умеет. И гото- вит, и стирает, и убирает. А что не знает, так спросит.

– Правда умеешь? – спросил он Дарью.

– Ага, – хмуро ответила та.

– Я согласен. Завтра приводи сестру...

Самойлов назвал адрес – выяснилось, что живет он ря- дышком, – и ушел. Васька смотрела ему вслед и таяла, как сосулька на печке. Не знала Дарья, что за планы вызрели в

головке сестры. К поденному труду Дашутка не тяготела, все больше книжки читала, ее и дома-то из-под палки заставляли работать, а тут Васька за нее решила! Дарья рассердилась на старшую сестру, как не сердилась ни разу, в бешенстве влетела домой. И ни уговоры, ни просьбы, ни угрозы Васьки – а она даже угрожала! – не действовали, Дарья все твердила: «Не буду у него работать». Пока не пришли отец с матерью. Папаня в данном вопросе проявил жесткость, кулаком по столу бахнул:

– Я те не буду! Ишь, паршивка! Вымахала с телегу, сиськи торчком торчат, а на уме одни игрульки да книжки! Книжками сыты не будем. Пора уж и подмочь нам с матерью, не бесплатно ж работать будешь. Не беспокойся, Василиса, пойдет, никуда не денется.

На следующий день злая Дарья поплелась за сестрой к Самойлову. Шла она и про себя желчью истекала: «А нарядилась-то Васька, будто ее на именины позвали. И белилась, и щеки мазала помадой, и брови подводила. Дура потому что. Станет он на нее глядеть, как же! Ну, погоди, Васька, я тебе припомню!»

Встретил их Фрол Самойлов доброжелательно, показал, что где лежит, дал задаток и второй ключ от квартиры. Васька сцапала все денежки, чем разозлила младшую сестру до последней капельки. Даже на мороженое не дала! Дарья всего один раз ела мороженое, и то лишь лизнула три раза – подружка давала попробовать. Не сестра, а гадина! Пока она

пыхтела от злости, Васька лебезила перед Самойловым:

– Не беспокойтесь, Фрол Пахомыч, все путем сделает, я прослежу.

После ухода Фрола Дарье пришлось выполнять Васькины команды. И до чего ж противной сестрица оказалась! Не знала, что она такая... То не так, это не так, переделай, перемой... Драила Дарья полы, вытирала пыль, стирала. Правда, суп Васька не доверила ей варить, сама сготовила. Ясно, подсыпала колдовских зелий Самойлову, чтобы он поласковой на нее глядел. Дарья выполняла неинтересную работу и придумывала сестре лютую казнь. Например: в помаду дегтя подмешать, или на новую блузку маслом капнуть, или... выстричь ей клочок волос! Вот будет уродина Васька!

План Дарья осуществила через несколько деньков, когда Васька опять пришла ночевать к родителям и обеды со стола полковника принесла. Мама с папаней довольны были, а Дарья не притронулась к еде, ночи ждала. Васька заснула быстро, еще удивилась, что сестрица поболтать с ней не хочет. А Дарья, вынув ножницы из-под подушки, нащупала косу Василисы и отрезала прядь, оставив ее в косе. Утром ножницы тихонько вернула на место и ждала припадка ярости.

Василиса встала, умылась, еще ничего не подозревая, расплела косу, чтобы расчесаться... да как завизжит! Мама от печки вмиг примчалась:

– Доня, чего стряслось?

– Волосы... – бормотала та, вынимая прядку за прядкой. –

Что это?

– Лысеешь ты, Васька! – торжественно произнесла Дарья. – Фрол Пахомыч на тебя лысую даже не поглядит!

Василиса подняла на нее глаза и... догадалась, кто лысые ей устроил:

– Это ты?! Мамадя, она мне отомстила... Ах ты...

Дарья слетела с кровати и бегала вокруг мамыши, Васька бегала за ней, норовила ударить. Когда и мамыня догадалась, что произошло, принялась охаживать младшую дочь полотенцем. Дарья забилась в угол, хохоча от удовольствия и закрывая голову руками. Внезапно Васька выхватила полотенце из рук разъяренной матери и, вместо того чтобы врезать сестре, сказала:

– Будет, мамыня! Я все равно собиралась поменять прическу.

Василиса оделась, больше не сказав сестре ни слова упрёка, ушла, а вечером... У папани ложка выпала – ведь явилась она, когда ужинали. Васька остригла волосы по плечи и сделала завивку. И до того красивая стала, что Дарья полночи уснуть не могла. Зря она старалась обезобразить сестру. Конечно, ухажер Васьки постарался – парикмахер Штепа. Ему Дарья разбила окно камнем, на том и успокоилась.

Дни текли однообразно, на любимое занятие – чтение оставалось мало времени, но Дарья теперь чаще читала ночами. В книгах столько было интересного, что зачитывалась, случалось, до зари. Утром шла к Самойлову, делала домаш-

нюю работу и возвращалась домой. Зато дома ни за что не бралась, отвечая на все попреки:

– Я работаю? Работаю. Деньги вы отбираете? Отбираете. Неча меня попрекать.

Брала книгу и садилась читать возле лампы. Часто бывало такое: Василиса прибежала на квартиру Самойлова и... предлагала Дарье отдохнуть. Она, мол, согласна помочь, времечко выдалось потому что свободное, а ключ потом домой занесет. В такие дни Дарья вновь любила сестру, корила себя за проступки перед нею и отправлялась к своим книжкам, пока однажды...

Василиса все меньше прибежала помочь сестре. Дарья приспособилась к работе: быстро вымоет полы, постирает, а готовит с книгой в руках. Еда варится, а она упивается приключениями и путешествиями. Книжки у Фрола брала из шкафа, особенно любила с хорошим концом. Как-то сделала она всю работу, пришла домой, помылась в корыте, поужинала и обнаружила, что книгу-то позабыла в квартире! Изнывая от интереса – что ж там дальше написано, – Дарья побежала к Самойлову. На робкий ее стук Фрол не ответил, она подождала, а потом открыла своим ключом, полагая, что хозяин еще не вернулся домой. Едва попав в прихожую, сразу узнала голос сестры, услышала странное копошение. Дарья на цыпочках подкралась к двери – в ней зачем-то окошечки были сделаны со стеклами – и без труда заглянула в комнату. То, что она увидела, потрясло ее не меньше, чем приключе-

ния в книгах. Нет, больше!

Ее сестра лежала голая на диване, обхватив ногами Фрола, тоже голого, который лежал на ней. Оба часто вздрагивали, можно было подумать, что они хотят освободиться друг от друга, но что-то мешает им это сделать, а Васька не то смеялась, не то всхлипывала, и лицо ее было перекошено от боли. Дарья открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь... но вдруг губы Фрола и Васьки слились, на какой-то миг два тела замерли, а потом с новой, неистовой силой забились в судорогах. Дарья догадалась, что страдания и судороги вызваны обоюдным желанием, им нравится вот так бесстыдно лежать и биться в припадках. А еще она поняла значение слов Васьки «не устояла б», «я теперь знаю, что бабе от мужика надобно».

К своим четырнадцати годам Дарья знала немного о мужчинах и женщинах, ее влекла тайна между полами, но что конкретно происходит – она понятия не имела. Ответы искала в книжках, да только там об этом не писалось. Вернее, писалось так, что понять было невозможно. Дело заканчивалось поцелуями, от этого, думала Дарья, видно, и получают дети. Не раз слышала о насилии, мол, мужик девку изнасиловал, а что ж такое произошло на самом деле, в чем суть, не догадывалась.

Глядя сейчас из прихожей на сестру и Фрола Самойлова, она поняла, что это делают по согласию и нестерпимому желанию. Их желание передалось и Дарье, отчего у нее закача-

лось все перед глазами, в теле появилась сладкая истома, и ей захотелось быть там, на месте сестры. Она страшно испугалась себя, попятилась, потом выскользнула из квартиры, даже забыв запереть на ключ дверь.

Не добежав до дома, Дарья присела у дерева на корточки, натянув на колени юбку, отерла потный лоб и зажмурилась. Перед глазами плавали два голых, плотно прилипших друг к другу и судорожно вздрагивающих тела. И лица: сестры – искаженное мукой, а Фрола – жадное. Картинка расплывалась, потом снова появлялась, в какой-то миг Дарья увидела в ней не сестру, а себя... стало противно до тошноты. Она тряхнула головой и поежилась, потом сосредоточилась на Василисе.

Что же получается? Васька специально бегала к Самойлову! А Дарье говорила, будто пришла помочь ей прибраться. Она задумала лечь под него, поэтому подсунула ему Дарью в домработницы, чтобы самой бывать у Фрола. Потому старалась умаслить младшую сестру и даже не отлупила ее за отрезанные волосы! Вот, значит, какая она хитрющая – добилась своего, прячась за спиной сестры. Хитрая и лгунья, а лгунья потому, что делала все тайком.

– Ну, Васька, – встала Дарья и отряхнула платье, – даром тебе это не пройдет.

Больше она не пускала сестру к себе на кровать, когда та ночевала у родителей, мол, тесно вдвоем, а на самом деле брезговала. Едва та появлялась, Дарья видела одно: два

тела, пот, вздрагивания... И сразу картинка менялась – Дарья становилась Василисой, по ее собственному телу пробежала дрожь, ее кидало в жар, а внутри непонятно и тоскливо ныло. Как бы она хотела избавиться от наваждения, причиной которого стала Василиса. Во всем этом чувствовалась необъяснимая гадость, посему, стоило Ваське прикоснуться к сестре, Дарья отскакивала от нее, как от прокаженной.

– Чудная ты какая-то стала, – улыбалась та.

Правда, теперь Васька ночевала у родителей редко, а похорошела... дальше уж некуда. Папаня и то заметил:

– С чего это тебя эдак расперло? Соки аж брызнут скоро.

– Да что вы такое говорите, папаша, – смутилась Васька, очищая за ужином картофелину. – Я ж на хорошем месте работаю, платят неплохо.

Ложь! Васька всех опутала ложью. За это Дарья ненавидела ее, хотела делать только назло сестре. Беря из миски вареную картошку, она вдруг спросила:

– Мамань, папань, кто такие потаскухи?

Все и замерли, а Дарья во все глаза изучала сестру. Она уже имела представление о потаскухах, ибо после увиденного на квартире Самойлова сильно интересовалась данным вопросом у соседских пацанов и девчонок, из которых кое-кто оказался подкованным.

– Вот ща как тресну ложкой по лбу! – пригрозил отец.

– Ты че такое спрашиваешь, бесстыдница? – всполошилась мать.

– А что? – прикинулась Дарья дурочкой. – Некоторых женщин люди называют... потаскухами, – и покосилась в сторону сестры. – Шибко знать охота: кто это такие?

– Это женщины легкого поведения, – выпалила мать.

– А ты, Васька, у нас легкого поведения или тяжелого? – не унималась Дарья.

– Спортилась наша Дашка, – укоризненно покачала головой Василиса.

Каково, а? А Васька, выходит, святая!

– Мать виновата, распустила Дарью, – вздохнул отец.

Подобные вопросыки она придумывала каждый день – это была маленькая месть сестре за то, что подло с ней поступила. А потом...

6

– Потом сюжет круто изменился, – после паузы продолжила рассказ Дарья Ильинична. – Я не представляла, куда заведет меня моя ненависть, а сестру – ее страсть. Впрочем, ненавистью мои тогдашние чувства нельзя назвать, это был протест против лжи и грязных шашней. Ненависть пришла чуть позже, и не ко мне, а к Василисе. Началось все с ареста полковника Огарева. Как его арестовали, мы не видели, полковника забрали ночью, а утром об этом ходило много слухов. Да и Елена Егоровна стала на себя не похожа. Вам знакомо такое: когда вы не виноваты, но чувствуете себя перед всеми виноватым?

– Думаю, это чувство каждому знакомо, – ответил Щукин.

– Но вы не забываете, какой год это был! Тридцать восьмой. Конечно, всего ужаса происходящего я тогда не понимала, но атмосферу всеобщего страха, думаю, ощущал каждый. Люди перерождались в гаденьких кляузников, в омерзительных карьеристов, которые в прямом смысле шагали по трупам. Даже мой отец, рисковавший когда-то в деревне своей и моей жизнью, затаился, как сверчок за печкой. Вот как изменилось время. Не пугайтесь, анализ истории делать не собираюсь, я пропустила ее через себя и объективной быть не могу. Дело-то в людях, как их время уродует. Так вот, жена Огарева ходила, опустив глаза, будто на ней лежит некая

вина. От нее отвернулись практически все соседи, а это тяжело. Я думала, что произошло недоразумение, полковника обязательно отпустят, ведь он был всеми уважаемый человек.

– Сколько лет было Огареву?

– Кажется, чуть больше сорока. А жене его... лет тридцать, мальчикам десять и восемь. Она была очаровательной женщиной, с шармом. Правда, я тогда не знала таких слов, но мне хотелось походить только на нее. Меня все в ней привлекало: интеллигентность, вежливость со всеми без исключения, умение одеваться. Близко я не была с ней знакома, познакомились мы позже... Кстати, чуть не забыла. После ареста Огарева моя сестра чаще стала бывать у нас, а Фрол Самойлов пропадал у Елены Егоровны. Я не могла этого не заметить, тайком наблюдала за Васькой и по-прежнему убирала у Фрола. В конце октября Елену Егоровну с детьми выселили. Тогда ведь как: арестовали мужа, семью его – вон из квартиры. И счастье, если обходилось выселением.

...Чемоданы вынесли во двор, Елена Егоровна села на них, рядом стояли мальчики. Пошел октябрьский дождь. Став коленом на табурет и упираясь локтями в подоконник, Дарья глядела прямо перед собой – из этого окна лучше всего видно трех человек во дворе. Но сгущавшиеся сумерки поглощали женщину и двух мальчиков, да и ровные нити ливня размывали фигуру Елены Егоровны с сыновьями. Она

сидела на чемодане с ровной спиной, сложив на коленях руки в ажурных перчатках, с полей ее шляпки стекала вода, а она не шевелилась, все смотрела на лужу у ног, в которой плавали пузыри.

Дарья подняла глаза на дом – ни одно окно не светилось, а пора бы уж.

– Включите электричество, – бросила она через плечо матери и сестре, которые лепили пирожки к ужину. Дарья же наотрез отказалась возиться с тестом.

– Неча жечь зазря, – зевнул отец. – Электричество денег стоит.

– Да вы что, папаня! – обернулась младшая дочь. – Сколько можно при лампе сидеть? Я все ж таки работаю.

– Цыц, дура! – тихо буркнул отец.

– Перестаньте, папаня, обзывать, – проворчала Дарья и вновь уставилась на Елену Егоровну, потом на дом.

Окон много, а ни одно не светится... Вдруг что-то внутри подсказало: там, за темными стеклами, тоже стоят люди, и они смотрят на Елену Егоровну, как смотрит Дарья. И до нее дошло, почему никто не включает свет: все делают вид, что их нет дома! Почему? Потому что во дворе сидит и мокнет под дождем Елена Егоровна с мальчиками. Потому что никто не хочет ей помочь, и люди этого стыдятся, а стыд прячут в темноте. Но почему, почему?!

– Сидит? – Дарья вздрогнула от голоса сестры, в ответ промолчала. – Ну, пусть сидит. Пожила в свое удоволь-

ствие – и будет.

– Ну ты, Васька, и злыдня! – упрекнула ее Дарья.

Она не могла объяснить причин, но ей страшно хотелось идти наперекор Василисе, а в тот вечер еще и щемило сердце от жалости к Огаревым. Если бы сестра промолчала, Дарья не додумалась бы кинуться к вешалке. А тут она надела пальто, из которого давно выросла, накинула на голову платок...

– Ты куда? – испуганно воскликнула мать.

– Позову их. Мокнут ведь, холодно...

– Не смей! – бросился к ней отец, сорвал платок. – Иди на место!

– Не узнаю вас, папаша, – горячо сказала Дарья. – Не стыдно?

– Мала еще, – стягивая с нее и пальто, проворчал он без злобы. – Понимания не имеешь... У ей мужа заарестовали...

– Так что ж, им теперь на улице подохнуть? – выпалила Дарья. – Им же идти некуда!

– Глупая ты, – подала голос Василиса. – Раз Огарева арестовали, значит, не зазря. А нам вмешиваться нельзя, сразу и нас потянут...

– Куда потянут? Что вы глупости говорите! – возмущалась Дарья. Она вернулась к окну, подперла подбородок ладонью и вздохнула. Что ж им, бедным, делать? И тут вскочила на табурет, чтобы получше видеть. – Гляди, Васька, Фрол Пахомыч...

– Где? – Василиса постаралась придать голосу равнодушия, но у нее это не получилось, что было замечено Дарьей, и тоже подошла к окну.

Фрол Самойлов о чем-то спорил с Еленой Егоровной. Вернее, он ее убеждал, а она отказывалась, отрицательно качая головой. Самойлов был в офицерской гимнастерке на выпуск. Ремня он не надел, не надел и фуражку – наверное, выскочил из дома в чем был. Фрол взял за плечи Елену Егоровну, поднял, потом схватил чемоданы и стал уходить, за ним поплелись мальчишки. Елена Егоровна постояла немного и нехотя пошла следом, оглядываясь на дом. Дарья с торжеством посмотрела на бледную сестру:

– Один все же нашелся. Смелый.

На следующий день Дарья пришла, как обычно, к Самойлову прибраться, а встретила ее... Елена Егоровна:

– Ты Даша? Проходи. Меня зовут...

– А я знаю, – улыбнулась Дарья. – Здравствуйте. Я быстренько...

Елена Егоровна ушла на кухню, а Дарья убирала в комнатах, познакомилась с веселыми мальчишками. Видно, они не понимали, какая беда случилась с их отцом. Старшего звали Никита, младшего – Дениска. Пока Дарья убирала, они рассказывали ей всякие истории – в основном красивые сказки, но называли их мифами. Потом Дарья перешла на кухню и в растерянности остановилась. У стены стояла сооруженная из

чемоданов кровать, лежал свернутый тулуп вместо подушки и два одеяла, Елена Егоровна курила папиросу у окна.

– Это убрать? – спросила Дарья, указывая на чемоданы.

– Нет-нет, здесь теперь спит Фрол Пахомович, – ответила та.

Вблизи она показалась Дарье очень красивой, особенно глаза – синие-пресиние, а волосы – светло-русые. При том кожа у нее – беленькая, сама она – нежненькая. Такую обидеть – грех. А Елену Егоровну обидели, уж больно печальной она была, слезы украдкой утирала со щек.

Дома Дарья не стала рассказывать про Огареву, Василиса сама пристала с расспросами:

– У Самойлова убиралась? Как там?

– А как прежде, – отговорилась Дарья.

– Куда ж он отвел Огареву? – Дарья молчала. – Не знаешь?

– Домой привел, куда ж еще?

А правда, на кой скрывать? Васька все равно узнает, так лучше уж из первых уст, а заодно Дарья посмотрит, как ей новость пришлась. А то, ишь, придумала: «Моя сестра вам, Фрол Пахомыч, подойдет, она все умеет!» Сестру подсунула, чтобы под него лечь! Гулящая Васька, это нехорошо, стыдно. Но, взглянув на Василису, поежилась: в расширенных зрачках сестры пылал бесовский огонь, ноздри раздувались, губы подергивались, грудь с шумом вздымалась, а смотрела она в одну точку. Ни дать ни взять – ведьма.

– Куда ж им деваться? – сказала она без сочувствия к сест-

ре, которую, по всему видно, задел поступок Фрола. – На улице не заночуешь. А чего ты так распереживалась? Он кого хочет, того и пускает в дом. Надо было к нам их позвать, а ты радовалась, что Елена Егоровна на улице оказалась, сама же теперь без работы. А Фрол Пахомыч не дал людям сгинуть, потому что добрый человек, хороший, не то что вы.

– Хороший... – прошипела Василиса и отвернулась.

Дарья подружилась с мальчиками Елены Егоровны, оба оказались умненькими и забавными, много знали и не были похожи на дворовых пацанов. Мать их все на кухне курила да в окно глядела, почти не разговаривала с Дарьей и на каждый стук или шаги выбегала в прихожую, прислушивалась. Чего, кого она ждала – Дарья не знала, но определила: переживает, может, от мужа весточку ждет.

Однажды, выйдя из квартиры Самойлова вечером, Дарья случайно стала свидетельницей такого вот разговора.

– Прости, не до того мне сейчас... – говорил Фрол.

Дарья перегнулась через перила, увидела внизу сестру и его. С тех пор как арестовали полковника Огарева, он изменился, стал озабоченным, хмурым, а раньше был улыбчивым.

– Знаю я, почему, – выговорила с трудом Василиса. Она была расстроенной, просто с лица спала. – Огарева тебя ждет. Чем же она лучше меня?

– Она ждет мужа. Да будет тебе известно, Георгий Денисович мой друг и учитель. Он спас меня от смерти, дал до-

рогу в жизнь, я не могу бросить его семью.

– Как же! – говорила, кусая губы, Василиса. – Поверила я! Ты из-за нее со мной быть не хочешь. Не успела мужа проводить, сразу к другому в постель залезла.

– Василиса! – прикрикнул он. – Не смей говорить того, чего не знаешь. Я о тебе лучше думал, а ты такая же...

Он хотел уйти, но Васька кинулась ему на шею:

– Фрол! Миленький! Не уходи! Не бросай меня. Соскучилась я сильно... а тут она... Я ж все видела: и как ты глядел на нее, как слушал, когда она играла... на меня ни разу так не глядел, а мне-то обидно. Ну, хочешь, открыто давай жить у меня? Мне чужие языки не страшны, ото всех отобыюсь... Пускай она здесь живет, а ты со мной, а? Я тебя любить буду крепче прежнего...

Дарья аж рот раскрыла: как же можно себя так ронять? Самой набиваться, когда тебя не хотят? Васька выглядела жалкой и глупой бабой, униженно выпрашивающей подачки. Стало стыдно за нее, обидно. Да если Дарье противно глядеть на сестру, то как же, должно быть, неловко и неприятно Фролу? И уяснила тогда она главное: глупость красоте большая помеха, потому что Васька в своем унижении была некрасивой.

– Прости, Василиса, прости, – опустил он ее руки. – Не такая ты мне виделась.

– А какой мне быть? – обозлилась Васька. – Значит, погулял со мной, а теперь выбрасываешь? Как же! Она образо-

ванная, на фортепьянах бренькает! А ты... ты не друг Огареву, ты вор! Крадешь у него жену!

– Уходи, – спокойно сказал Фрол и стал подниматься по лестнице.

Дарья метнулась на третий этаж, притаилась. Самойлов зашел в квартиру, а она села на ступеньки и задумалась о том, что услышала. Сестру она не понимала, осуждала, но и... жалела ее. Гордости нет в Ваське, а без гордости баба не баба, а тряпка – это был второй урок, который извлекла Дарья.

Прошла неделя, другая, месяц. Василиса приходила к родителям редко, теперь Дарья не донимала ее ядовитыми словечками, помалкивала. Васька переменялась, часто задумывалась, без повода огрызалась. Мамаша вздыхала, глядя на нее, папаша ругался, но старался, чтобы Дарья не слышала. А она все слышала, все замечала, да делала вид, что глухая и слепая. Так-то оно лучше. Про себя же удивлялась: почему взрослые думают, будто дети ничегошеньки не понимают? Когда папаша изъяснялся с Васькой недомолвками, Дарья в уме эти недомолвки достраивала – он хулил старшую дочь за недостойное поведение. Неужто догадался, что Васька с Самойловым гуляла? Только подробности прояснились совсем неожиданно.

Однажды вечером ее вызвал одноклассник Семка, что жил на соседней улице в таком же клоповнике. Дарья вышла к нему, накиннув пальтецо:

– Чего тебе?

– Ваша Василиса у Федьки Косых, – доложил он шепотом.

– Ну и что? – пожалала она плечами.

– Пьют самогонку и в карты режутся. А Василиса то с одним целуется, то с другим, как последняя... Сам видал. Не впервой уж.

Вон, значит, за что папаня чихвостил Ваську... И поделом ей! А стыд-то какой от людей! Дарья сказала, чтобы он обождал ее, сбегала домой, оделась и выскочила к нему:

– Показывай, где это.

Она хотела своими глазами убедиться, сколь низко пала ее сестрица.

Федька Косых жил в развалюхе похуже дома Дарьи. О нем нехорошие слухи ходили – будто Федька чужие карманы чистил, но пока не попадался, будто дружки у него – отъявленные бандиты. Он всех убеждал, что работает, а где – никто не знал. Щеголь был, каких свет не видывал: сапоги аж горели, до того начищены, рубахи ситцевые редко надевал, все больше шелковые, пиджак носил и каскетки модные. Сохли по Федьке все девки в округе, а он их портил без зазрения совести. И все же Федька Косых нравился Дарье, потому что видный был парень, умел складно говорить, пел под баян и плясал здорово. Конечно, в сравнении с Фролом Федька проигрывал – Фрол военный, армейская форма возвеличивала его над другими мужчинами. Только Василисе сук надо рубить по плечу, в этом смысле Федька и есть ей пара. Но то,

что она пьет с мужиками и целуется с кем ни попадя, никуда не годится!

Семка перебрался через дощатый забор, помог перелезть Дарье. Они обошли дом, подобрались к окну и заглянули в комнату. Накурено, хоть топор вешай, на столе нехитрая закуска, бутылки и стаканы. Среди клубов дыма сидела Васька со стаканом в руке и хохотала, как полоумная, – видно, Федька что-то смешное нашептывал ей на ухо. Кроме сестры и Федьки, там были еще двое с папиросами в зубах, в ярких косоворотках, с красными харями, эти играли в карты. Дарья и Семка не переговаривались, ведь окошко было чуток приоткрыто, наблюдение вели молча. Двое закончили игру, налили в стаканы мутноватой жидкости, выпили. Васька пила с ними, что болью отозвалось в душе Дарьи. Один положил ладонь на колено Васьки, сжал его. Федька это заметил, сбросил его руку, завязался спор, грозивший перерасти в драку. Васька встала меж ними:

– Будет вам! Чего скубетесь попусту? Про меня-то забыли... Я хозяйка над собой, не вы. А коль кто из вас хочет меня, так службу поначалу мне сослужите. Кто смелым окажется, с тем я и буду.

Не понимала Дарья, к чему вела речь сестра, только сердце ее тревожно сжалось. Не понимали и мужики, хоть и пьяные были, а насторожились.

– Ну и что за служба? – спросил мордатый, с крупным носом.

– Это Гиря, – шепнул в ухо Семка. – Бандюга...

Дарья закрыла его рот ладонью и пригнулась, увлекая приятеля за собой. Некоторое время они сидели под окном и слышали договор.

– Одолженьице малое мне надобно, – говорила Васька. – Всего-то подрезать одного человека. – «Самойлова!» – догадалась Дарья. – Не насмерть, так... маленько личико подпортить. Дело нехитрое, а я в долгу не останусь.

– Ополоумела? – воскликнул Федька. – На что подбиваешь?!

– Погоди, – сказал Гиря. – Дело-то нехитрое – подрезать. И кого?

– А хозяйку мою бывшую, – ответила Василиса. – Огареву.

– Нет, Василиса, я на такое дело не пойду, – во всеуслышание заявил Федька. – Мне на воле любо, а не в тюрьме конопатиться.

– Да кому она нужна, жена предателя? – усмехнулась Василиса. Дарья и Семка слышали, как постукивают по полу ее каблучки. Им пришлось вжаться в стену, так как голос Васьки раздался прямо над их головами, она, видно, к окну подошла: – За нее никто не вступится, не посадит в тюрьму.

– Чем же она тебе насолила? – кипятился Федька.

– А ничем, – окрысилась Васька. – Хочу так. Больно много воображала о себе. Так есть среди вас мужики? Или вы только водку пить умеете?

По всей видимости, она отошла от окна, голос ее теперь слышался не так отчетливо. Семка толкнул подругу, мол, идем отсюда, пока нас не заметили, но Дарья отмахнулась от него. Она хотела знать, до чего у Федьки договорятся.

– Ну, добро, – сказал Гирия. – Сделаю, как ты хочешь.

– Да и я не прочь... – подал голос третий.

– Вот и ладно, – сказала Василиса. Дарья приподнялась и заглянула внутрь. Сестра положила руки на плечи Гире, улыбалась. – Да только она не выходит, выманить ее надобно. Завтра вечерком записку ей передадим через пацаненка, что, мол, мужа ее перевозить станут, он хочет на нее поглядеть, время укажем да место, она и выбежит. А вы уж дело сладите, за что от меня награда будет.

– Гляди, не обмани, а то и тебя подрежу, – предупредил Гирия.

– Дура ты, Василиса! – в сердцах сплюнул Федька.

Дарья не стала больше слушать, отползла от дома, затем пустилась наутек, словно за ней гнались, шлепая ботинками по замерзшим лужам, от чего тонкий ледок обламывался, а ботинки погружались в лужи. Дарья не чувствовала холода, уносились подальше от вертепа, в котором ее бесстыжая сестра подбивала мужиков на подлое дело. Семка бежал следом. На ровной улице она перешла на шаг, да не могла никак отдышаться, бешено колотилось сердце то ли от страха, то ли от... Непонятно, от чего!

– Худое дело затеяла твоя сеструха, Дашка, – сказал Сем-

ка, шагая рядом. – Надо бы рассказать, предупредить...

– Сема, – остановилась она, – прошу тебя, никому не говори.

– Ну, ладно, – шмыгнул он носом. – А все ж нехорошо...

– Я сама, – перебила его Дарья. – Обещай, что ты не расскажешь. Поклянись!

– Ну, клянусь... – пожал он плечами.

Дарья взяла его голову в руки и поцеловала в губы. От этого детей не бывает, она уже знала точно. Семка отпрянул от нее, вытаращившись:

– Ты че?! Совсем, да?..

– Помни: ты клялся! – Она помчалась домой.

Молния заглянула в окно Дарьи Ильиничны, осветив комнату синевой, через паузу громыхнул раскатистый гром. Дождь, до этого ослабевший, вдруг словно сорвался с неба, неистово обрушился на землю. Шукин кинул взгляд на окно, заливаемое ливнем:

– Давненько такого потопа не было.

– Вам не надоело меня слушать? – спросила Дарья Ильинична.

– Что вы! Мне очень интересно. И как же разворачивались события? Гиря «подрезал» Елену Егоровну?

– Я не знала, как поступить. Рассказать родителям – жалко их. Отец и мать были хорошими людьми, и без того они глубоко переживали за дочь. Самойлову рассказать – я предала бы Василису, чего она мне не простила бы, да и последствия могли оказаться для сестры тяжелыми, он все же чекистом был. Меня трясло от безвыходности.

...Дарья давно закончила уборку, а не уходила, играла с мальчиками. В комнату, которую заняли дети, заглянула Елена Егоровна:

– Дашенька, родители не будут волноваться, что задерживаешься?

– Нет, – ответила та. – Вы хотите, чтобы я ушла?

– Что ты, милая, оставайся сколько хочешь.

Дарья вздрогнула, услышав стук в дверь. Елена Егоровна пошла открыть, Дарья за ней. Незнакомый парнишка передал записку и убежал. Едва Елена Егоровна прочла, сразу кинулась к шкафу с вещами, принялась лихорадочно одеваться, говоря:

– Как хорошо, что ты не ушла, посидишь с мальчиками...

Я мигом...

Решение пришло мгновенно, Дарья перегородила собой выход:

– Не ходите.

– Даша... – растерянно пробормотала Елена Егоровна. – Отойди.

– Не пущу, – насупилась Дарья, не зная, как ее убедить.

– Даша, мне очень нужно выйти. Я увижусь с мужем...

– Я знаю, что там написано, – подняла на нее отчаянные глаза Дарья. – Не верьте. Вас специально вызывают...

– Что за упрямство, девочка? – не верила ей Елена Егоровна. – Пойми, мне необходимо убедиться, что он жив и...

– Там написана неправда! – выкрикнула Дарья. – Вам написали, что вашего мужа будут перевозить и что он хочет посмотреть на вас. Ведь так? Откуда я знаю, скажите? Я ж не читала записку. Ведь так там написано, так?

– Да... – еще больше растерялась Елена Егоровна. – Как ты узнала?

– Не спрашивайте. – Глаза Дарьи наполнились слезами. –

Пожалуйста, не спрашивайте. Я вчера слышала... вас будут ждать и... и подрежут.

– Что? Чем «подрежут»?

– Ножичком, – всхлипнула Дарья. – Лицо подрежут. И не говорите Фролу Пахомычу про то, что я вам рассказала. Пожалуйста.

– Но кто? За что?

– Не скажу, – опустила голову Дарья. – Не выходите из дома. Вообще не выходите никуда. Если вам нужно, я везде сбегая... а вы не выходите. Я правду говорю!

Елена Егоровна опустилась на стул в прихожей и долго сидела, потом притянула к себе Дарью, обняла. Так началась их дружба.

Теперь Дарья задерживалась в доме Самойлова до позднего вечера. Елена Егоровна боялась отпускать сыновей во двор, поэтому Дарья выводила мальчиков гулять, взяв на себя обязанности няньки. Фрола она видела редко, тот работал допоздна в ведомстве под названием НКВД. Дарья имела смутное представление, что это такое. НКВД – звучало устрашающе, и только-то, а по сути, для нее было пустым звуком.

Елена Егоровна очень понравилась ей, особенно тем, что не считала зазорным поучиться у Дарьи стряпать вареники и пирожки, печь оладьи. Кое-что Огарева умела готовить, например, загадочный плов. И однажды, приготовив это сказочное блюдо, угостила Дарью. За приготовлением пирож-

ков она рассказывала о себе, о том, как познакомилась с полковником Огаревым в двадцать шестом году. Только тогда он не был полковником, а являлся командиром доблестной Красной армии, командовал эскадронами, скакал на лошади с саблей, стрелял из «нагана» в бандитов, которых после Гражданской войны еще много оставалось. Он поразил ее воображение, потому что был удивительно хорош на гнедой лошади. Тем более что он спас обоз, в котором ехала она с родителями, от напавших бандитов.

Сама Елена Егоровна родом из Киева, конечно, из «бывших». Да и полковник Огарев тоже из «бывших». Он воспринял революцию как начало новой эры в России, поэтому перешел на сторону большевиков. В том же двадцать шестом году они поженились, потом он уехал куда-то по делам службы, а она ждала его. Вернулся Георгий Денисович через год, забрал жену, и с тех пор она везде следовала за мужем, даже в Туркестан.

А Фрола Самойлова, умирающего от голода, Огарев подобрал в деревне в девятнадцатом году и определил в свой эскадрон. Ему было тогда тринадцать лет. Когда Фрол вырос, Георгий Денисович заставил его учиться военному искусству, ведь в любом деле необходимы знания. После учебы Самойлов поступил под начало Огарева, боролся вместе с ним с басмачами в Туркестане, укреплял границы на Дальнем Востоке. Потом они переехали сюда. Вот и все.

Дарья слушала, замирая, будто читала книжку с приклю-

чениями. Ей казалось, все самое интересное уже было, но с другими людьми, а на ее долю приключений не осталось. Елена Егоровна утешала ее, говорила, что у каждого человека своя судьба, но жить без приключений куда лучше. Так прошло чуть больше месяца.

Не забывала Дарья и о сестре, подозревая, что та не оставила подлой мысли досадить Елене Егоровне и обязательно выкинет какой-нибудь фортель. Мало того что себе навредит, так и папане с маманей достанется. Позор-то как пережить? И без того Василиса частенько приходила пьяная и злая, огорчая родителей, слухи о ней поползли грязные, от стыда у мамыши сердце разболелось. Размышляя о сестре, Дарья поняла, почему она бесится – из-за Фрола, но ее безобразного поведения не принимала. И удивлялась: неужели из-за мужчины можно так низко пасть? Она пыталась наладить отношения с Василисой, но та жила в обособленном мире оскорбленной и покинутой женщины, не пуская в него младшую сестру. На все у нее был ответ: «Отстаньте, как хочу, так и живу».

Приятель Дарьи Семка днем учился в ремесленном училище, а вечерами был свободен. И он взял на себя тайную слежку за Васькой. Дарья знала, где и с кем она пьет, с кем проводит ночь. Не оставляла сестра в покое и Фрола. Правда, все реже и реже приставала к нему. Он уходил от нее в молчании, но заговоров Василиса больше не устраивала. Дарья успокоилась. И напрасно. То, что вскорости случилось, окон-

чательно погубило Василису, а виноватой осталась... Дарья.

Однажды она гуляла с мальчиками во дворе, сыпал мелкий январский снежок, и тут примчался Семка. Когда он прибежал, Дарья замирала, опасаясь худой вести, но Семка на сей раз прибежал просто так. Они разболтались, ведь интересов-то уйма! Взять хотя бы ремесленное училище – там не только учат профессии, есть и художественная самодеятельность, различные кружки, проводят собрания и балы, а на балах сначала показывают концерт, потом танцуют. Дарья решила на следующий год непременно пойти в ремесленное училище, не век же ей в прислугах жить. Советская власть открыла дороги каждому – выбирай и учись, хоть артисткой становись, хоть водителем трамвая, хоть геологом. Вообще-то Дарья мечтала о путешествиях, опасностях, Семка мечтал летать на самолетах, ну а пока сойдет и училище.

Вдруг они услышали крики. Глядь – мальчики Огаревы дерутся с пацанами из соседнего двора. Дарья и Семка кинулись на помощь, раскидали драчунов, но последствия драки оказались ужасны: у старшего, Никиты, кровью залило всю шею, он ревел от боли. Схватив его за руку, Дарья потащила Никиту домой, следом плелся хнычущий Дениска. Елена Егоровна осмотрела рану, пришла в ужас: мочка уха разорвана, болталась на малюсеньком кусочке. Дарья сбегала за военным доктором, который жил по соседству, тот сделал уколы, пришел ухо, а Никита орал, будто его режут.

– Ты мужчина, терпи боль, – строго сказала сыну Елена

Егоровна. – Даша, как это произошло?

– Пацаны обзывались, – вместо Дарьи проревел Дениска, прижимаясь к няньке, по щекам мальчика потоками текли слезы. – Сказали, что у нас папа предатель и враг. Тут Никита им и врезал... И я врезал... Никита упал на качели, а там... там прут острый торчал...

– Простите меня, Елена Егоровна, – всхлипнула и Даша, – это я виновата, недоглядела. С Семкой болтала.

– Ну что ты, девочка, – погладила ее по голове она. – Они обязаны защищать свою честь и честь отца. Не плачь.

Неожиданная ласка и то, что Елена Егоровна не стала ругать и обвинять ее, тем более не побила, привели к еще большим слезам – рыдали втроем хором. Глядя на детвору, Елена Егоровна рассмеялась. Дарья была благодарна Огаревой, полюбила ее в тот момент как родную. А потом все пили чай, хохотали над потешным видом Никиты, которому доктор перебинтовал голову через макушку и подбородок, голова его стала напоминать грушу.

В этот мирный момент кто-то постучал в дверь. Елена Егоровна побежала открывать, думая, что это Фрол Пахомыч, но вдруг Дарья испуганно замерла, услышав удивленное:

– Василиса?

– А я к тебе... – сказала сестра Огаревой.

Дарья сорвалась с места и рванула в прихожую. Василиса стояла в дверном проеме и даже не заметила сестру, пото-

му что смотрела Елене Егоровне в лицо, пылая гневом. Одну руку она держала за пазухой, укрывая ее бортом пальто. «Ножик! – догадалась Дарья, чувствуя мелкую дрожь в теле и медленно, как бы не по своей воле, подходя ближе к обеде сестре. – Подрезать надумала. Ну зачем она, зачем?..»

– За все мои страдания, – говорила ничего не понимающей Елене Егоровне Василиса. – За то, что отняла его у меня...

Васька распахнула пальто...

Дарья успела заметить, что прятала сестра не нож, а стеклянную банку с какой-то жидкостью, только это ничего не изменило. С криком: «Не надо!» она кинулась на Василису и толкнула ее в дверной проем. Та упала на площадку, и как-то так получилось, что жидкость из банки выплеснулась на лицо Василисе. Она страшно завывала, закаталась по полу... От ее воплей у Дарьи мороз пробежал по коже, она не понимала, что произошло. Ну, упала – делов-то!

Елена Егоровна бросилась к Ваське, расспрашивая, что с ней и почему кричит, а та лишь выла и терла платком лицо. Пришлось еще раз сбежать за доктором.

Удар ждал родителей: Василиса удумала плеснуть на лицо Елене Егоровне соляной кислотой, а вышло – себя изуродовала. Ее отвезли в больницу, но спасти лицо не смогли. Василиса ослепла на правый глаз, правую же сторону выжгла кислота, она навечно осталась обезображенной. А вина лег-

ла на Дарью.

– Ты-то зачем вмешалась? – корила младшую дочь мамаша.

– Будя! – прикрикивал на мать отец. – Дарья тут ни при чем, Васька сама виновата. Господь водил рукой Дарьи, он наказал Василису за злой умысел.

– Бога, папаня, нет, отменили, – тихо пробормотала Дарья.

– А он плюет на отмены! – взорвался папаша. – Ладно, не горюй, Дарья, стало быть, такова судьбина Васькина.

Что бы ни говорили родители, вину свою она без них знала. А как надо было поступить? Ваську бы засадили, мамаша не пережила бы позора. Да и откуда Дарья могла знать, что там кислота? А если бы знала, толкнула бы сестру? И признавалась себе: толкнула бы. Точно бы толкнула, надеясь, что кислота прольется мимо.

Васька выписалась из больницы и запила. Дарью она ненавидела, да и вообще всех стала ненавидеть, мамашу с папашей тоже. Приходила редко, только когда нужны были деньги или чтобы поесть. Работала она по найму, на производство не хотела идти, там слишком суровые были законы. Наказания за Васькин проступок не последовало. Подумаешь, бабы мужика не поделили! Тогда именно так смотрели на подобные выходки, хулиганство зачастую не наказывалось, а за неосторожно брошенное слово, имеющее политический смысл, попадали в лагеря на долгие годы. К тому же постра-

дала Василиса, ее и жалели. Елену Егоровну все осуждали – как-никак, при живом-то муже с другим жила. И никто не вспоминал про то, что ей просто негде жить.

Дарья продолжала работать у Самойлова, дожидаясь времени, когда пойдет учиться. Как-то в феврале она застала Самойлова дома, чего никогда не случалось. Встретил он ее весь потерянный, взъерошенный:

– Не сегодня, Даша. Елене Егоровне плохо.

Позже дошли слухи, будто полковника Огарева расстреляли. Собственно, о расстрелах кругом шептались, в газетах писали о заговорах, заговорщикам выносилось всеобщее порицание и презрение. Но в кругу семьи люди шептались совсем с другим смыслом: что ж это творится, не может же столько быть врагов и предателей?! Шептались и мамаша с папашей, предупреждая Дарью, чтобы нигде об этом ни словечком не обмолвилась, а то и мамашу с папашей заарестуют. А за что? Если бы не частые аресты, Дарья не верила бы и в расстрелы. Жизнь ей виделась прекрасной, наполненной событиями и свершениями, а она не принимала участия в этой жизни! По Европе шагал фашизм, Советское государство окружали дремлющие враги, все равно делались научные открытия, совершались подвиги... Тут еще Семка вступил в комсомол, а она мыла полы!

Елена Егоровна совсем поникла, много курила и молчала, жила затворницей. Дарья старалась занять мальчишек, им ничего не говорили про отца, но они знали и скрывали

от матери, что знают. Время ползло, будто черепаха, но оно в конце концов подлечило Елену Егоровну. Веселой она не стала, всего-навсего примирилась со смертью мужа.

Как-то она пригласила Дарью за стол на пирог с капустой, который сама приготовила, – так уж случилось, что домработница стала единственной ее подругой. За столом Елена Егоровна сообщила:

– А я вышла замуж, Даша. Вчера.

У Дарьи глаза выкатились. Замуж! А где свадьба, цветы, радость? Дарье уже исполнилось четырнадцать, она поумнела и, естественно, догадалась, за кого вышла замуж Елена Егоровна, – ведь спальное место Фрола исчезло из кухни, а новой кровати нигде не появилось. Но отчего Огарева опустила глаза и с полчаса болтала чайной ложкой в чашке? Почему прятала слезы?

– Поздравляю, – сказала Дарья, словно на похоронах высказала соболезнования.

– Осуждаешь меня?

И слезы... кап, кап... падали на белую скатерть, оставляя темные пятна. Дарья подскочила к ней:

– Да что вы, Елена Егоровна! Чего ж вы плачете? Радоваться надо! Вам одной никак невозможно, а Фрол Пахомыч хороший человек, ребят любит... и вас.

За те редкие часы, когда Самойлов оказывался дома, Дарья подметила, с какой робкой заботой и нежностью он относился к Елене Егоровне. Даже ей, подростку, стала очевид-

ной его любовь, которую он тщательно прятал от всех. А Василису, стало быть, не любил, просто гулял с ней. Конечно, Дарья терялась, испытывала к нему двойственные чувства. С одной стороны – он поступил дурно, гуляя с Васькой и бросив ее, с другой стороны – сестра сама лезла к нему и тем самым уронила себя в его глазах. И на чьей стороне больше правды, Дарья не могла решить.

Тем временем Елена Егоровна вытерла щеки платком, извинившись за глупые слезы. Потом они разговорились. Дарья похвастала, что поступила в ремесленное училище, будет фрезеровщицей.

– Но женское ли это дело, Даша?

– А нынче нет мужских и женских дел, – гордо ответила та. – Сейчас равноправие во всем. Погодите, я стану большим человеком, стахановкой обязательно.

Мечты... они менялись с течением жизни, а в те времена Дарья крепко взялась за учебу. К Самойловым забегала редко, делилась планами с Еленой Егоровной, заодно помогала ей по хозяйству. Впрочем, бывшая полковничиха справлялась с домашними делами неплохо. Росли и мальчишки. Наступила весна сорокового года.

Семка и Дарья возвращались из кино, делились впечатлениями, спорили, кто лучше из артистов. В спорах всегда правой оказывалась Дарья, категорично не признававшая противоположного мнения, из-за чего Семка с ней ссорился и по

два дня не разговаривал. Однако в тот вечер мнения обоих совпали – Любовь Орлова затмила всех артистов. Они проходили мимо двора Самойловых, у подъезда заметили людей и медицинскую машину. Екнуло сердце – что-то случилось у Самойловых. Почему Дарья так подумала? Из-за Василисы. Та как напьется, так ревет и клянет Елену Егоровну, мол, она мне жизнь поломала, ненавижу ее и Фрола.

Дарья подошла к немногочисленной толпе:

– Что тут стряслось?

– У Самойловых беда. Ленка, кажись...

Не дослушав, Дарья сбросила пиджак, который накинул ей на плечи Семка, и взлетела на этаж. Дверь открыта, в квартире тихо. Защемило внутри в предчувствии непоправимого, в глазах потемнело, дыхание затормаживалось. Дарья несмело вошла в прихожую, словно преодолевая невидимую преграду. Везде горел свет. Заглянула в комнату. Седой доктор сосредоточенно что-то собирал со стола, второй доктор или санитар стремительно прошел мимо. Возле дивана сидел Фрол, опустив голову, а на диване лежала Елена Егоровна. Спала. Спала ли? Сердце все быстрее и быстрее отстукивало: не спит, не спит... Седой доктор шел к выходу, Дарья схватила его за рукав.

– Отравилась, – сказал он, догадавшись, что хочет узнать девушка.

У Дарьи перехватило горло, с трудом она выдавила:

– Жива?

Доктор отрицательно покачал головой и вышел.

Пересохло во рту, душили слезы... Это была первая в жизни Дарьи серьезная и необъяснимая утрата, причинившая невыносимую боль.

Дарья побрела на кухню выпить воды и набраться сил, чтобы войти в комнату, где лежала Елена Егоровна, Семка молча последовал за ней. Она подставила стакан под струю воды, которая быстро наполнила стакан и переливалась через края. Брызнули слезы. Как же так? Почему?! О, эти вопросы еще не раз она задаст себе в будущем. И никогда на них не будет однозначных ответов. Дарья стояла у раковины и беззвучно плакала, вдруг Семка шепнул:

– Дашка, смотри!

Она обернулась, он держал лист из тетрадки, протягивая его Дарье. Взяв бумажку и пробежав кривые строчки глазами, Дарья похолодела. Нет, она едва не умерла на месте! Зашумело в голове, лихорадило все тело... Чувствуя, что вот-вот упадет, Дарья опустилась на стул и попросила Семку:

– Никому не говори! Слышишь? Никому!

– Почему?

Она свернула листок, сунула его в карман платья, не ответив Семке, а он шепотом говорил, что нельзя забирать записку. Дарья кинула на него испепеляющий взгляд, и он замолчал. Оба остались у Самойловых поддержать напуганных мальчиков. Впервые Дарья видела, как плачет мужчина. Фрол плакал над телом жены, пряча слабость за папиросами

и низким наклоном головы.

Утром Фрол что-то искал. Дарья знала – что, знал и Семка, но оба молчали. Наконец Фрол спросил:

– Даша, Семен, вы не видели здесь записку?

Те лишь мотнули головой: мол, не видели.

Елену Егоровну скромно похоронили.

– Молодая такая... двое деток... – слышалось со всех сторон на похоронах. – Как же она так? Ой, грех-то какой! Из-за чего ж можно жизни себя лишиться? Видать, причина была... Да какая ж причина? Деток не пожалела...

Не знал и Семка причин, вернее, знал частично. Он приставал к Дарье, что она намерена делать с запиской и зачем украла ее, та отмалчивалась, так как у нее не было плана. Но то, что открылось Дарье, кроме нее, не знал никто. Даже Фрол не догадывался.

8

– Поставьте-ка на огонь чайник, – попросила Дарья Ильинична.

Давнишнюю историю с сегодняшним днем Щукин не связывал. Собственно, связывать пока было нечего, но рассказ его заинтересовал. Да и торопиться некуда, сегодня ведь законный выходной. Единственное, в чем он испытывал неудобство, – уже более трех часов не курил. Прервать рассказ не решался, вдруг после паузы у старушки пропадет запал, а хотелось услышать до конца, тем более что Дарья Ильинична говорила, будто знает убийцу мужа и сына. Она знала, но почему следствие не дозналось? Судя по всему, она ничего не сказала милиции. Опять же – почему?

Щукин вернулся из кухни с чайником и не выдержал:

– Я бы хотел выйти покурить...

– Бог мой! Да курите здесь. Я никогда не курила, но табачный дым люблю. Пепельницу возьмите в серванте, там их две, выбирайте любую.

Теперь Щукин был вполне доволен, устроился поудобней в кресле, закинув ногу на ногу, с наслаждением затянулся сигаретой.

– Что же было в той записке?

– Э, миленький, не все сразу... – усмехнулась она. – Ага, заинтриговала вас? А я тогда сна лишилась. Меня терзали

сомнения, подозрения, вопросы. И взбрело мне в голову самой получить ответы. Я даже не понимала, куда ввязывалась. Но, знаете ли, молодость горяча, она верит в справедливость, она безрассудна. Это потом молодость костенеет, с возрастом, когда сталкивается с реальным и далеко не идеальным укладом, сталкивается с подлостью старших. В том, что молодежь часто бывает жестока, виновато старшее поколение, ибо нельзя воспитать порядочность на лжи. Мне было пятнадцать лет, я готовилась стать комсомолкой, воспитывала в себе волю, характер и непримиримость к подлости. А та записка представлялась подлым предательством, и я должна была убедиться, что это так, потому что... Нет! Слушайте по порядку...

Дарья не спала, все думала, как ей поступить. Она хотела правды, а виделась эта правда чудовищной с двух сторон. И какая-то из этих сторон – лживая и предательская. Дарья искренне хотела, чтобы обе стороны остались непричастными, а такого быть не могло, посему следовало все выяснить, а потом думать, что делать.

В записке было написано одно имя – парикмахера Силантия Штепы. Когда-то он ухаживал за Василисой, но с тех пор как ее нечаянно обезобразила Дарья, Штепа в сторону Васьки не смотрел, хотя не все мужчины оказались привередливыми. Как судачили, Васька таскалась по мужикам – ночью-то рожу не видно. Повзрослевшая Дарья заметила, что

люди имеют слабость добивать лежачего. Ну, какое им дело до Васьки, ее походов и пьянства? Что ей осталось в жизни? Да и слабой оказалась Василиса, не способной пережить увечье, неспособной подавить в себе обиду и отойти в сторону, найти новые интересы в жизни и начать строить ее по-новому. Почему же надо ее добивать пересудами и оскорблениями? Так она думала до смерти Елены Егоровны. Это плохо, когда из жизни уходят хорошие люди, а когда они уходят по причине козней негодяев, что-то, выходит, не так в этой жизни, что-то идет неправильно. Решив выяснить, что к чему, Дарья собралась с духом и пошла к Штепе.

Силантий был женским мастером и женским угодником, несмотря на скромную внешность. И не раз его колотили обманутые мужья, избивая до полусмерти. Славился Штепа обхождением, ко всякому человеку подход имел, одевался аккуратно и модно. Стриг и брил он мужчин тоже, а перед женщинами ужом вился, относился к ним с предельным вниманием и уважением, потому и пользовался успехом у слабого пола. На всякий случай Дарья позвала с собой Семку, который отговаривал ее идти к Штепе, но разве ж ее отговоришь? Она вошла в зал с большим зеркалом, села на стул и ждала очереди, пока Силантий завьет щипцами жирную бабищу в цветастом крепдешинном платье.

– Пейсики будем завивать? – крутился вокруг бабищи Штепа.

– А как же! – кокетничала толстуха. – И на височках за-

вейте.

Час прождала Дарья. Наконец села в кресло и наблюдала за приготовлениями Штепы в зеркало, одновременно обдумывая, какие должна сказать ему фразы. Он остановился у нее за спиной и будто только сейчас увидел:

– Дашенька? Как ты выросла! Красавица, честное слово.

Ага, так и купил он Дарью своими буржуазными комплиментами! Эта мерзкая рожа в бабьих кудряшках и с тонкими усиками даже не догадывалась, что будущей комсомолке его сладкие слова противны. А он наклонился к ней, заглядывая в лицо, от него несло одеколоном, аж ноздри защипало. Спросил:

– Что будем делать с головкой?

– Прическу, – проговорила Дарья, считая в уме, хватит ли у нее денег.

– По какому случаю?

– По случаю... именин.

Волосы у Дарьи были длинные, состричь их она не решилась, хоть и мечтала, а то папаня с маманей в гроб раньше времени слягут. Она ждала чего угодно, какого-нибудь бедлама на голове, но парикмахер уложил косу короной, затем завивал на висках и лбу тонкие пряди. А Дарья не знала, как начать. В таком случае... И она спросила прямо:

– К вам приходила Елена Егоровна?

Штепа застыл. Она не спускала с него глаз, устремив их в зеркало.

– Бывшая полковничиха? – спросил Штепа обычным тоном, продолжив завивать локоны. – А почему ты спрашиваешь, Даша?

– Я хочу знать. Она приходила?

– Ну, конечно. Я стриг ее...

– Перед смертью она к вам приходила?

– А что еще ты хочешь знать?

– О чем она вас спрашивала?

– Извини, я не обязан тебе отвечать.

– Ах, не обязаны? – развернулась к нему негодующая Дарья. – Умерла хорошая женщина. Отравилась! Кто-то ей прислал записку, а в записке ваше имя! – Парикмахер заметно переменялся в лице, побледнел. – Да, ваше имя, – повторила она, – и совет... обратиться к вам.

– Откуда ты это взяла? – не растерялся он.

– Читала ту записку, – созналась Дарья. – А если она попадет... куда следует? Там много чего написано. Вы стали виновником смерти Елены Егоровны.

– Я?! – нервно рассмеялся Штепа. – Бог с тобой, Даша. Ну что ты такое говоришь, девочка? Я ничего не знаю, и Елена Егоровна перед смертью ко мне не приходила, соответственно, ни о чем не спрашивала. Записка! – фыркнул он. – Какая-то сволочь решила опорочить мое доброе имя, а я должен оправдываться? Так вот: не буду!

– Да что вы так нервничаете, Силантий? – произнесла она спокойно, поедая глазами его зеркальное отражение. – Я хо-

чу лишь знать: правда там написана или нет?

– А что там написано?

– Вы сами знаете, – уклонилась она от ответа. – Ведь в записке ссылались на вас.

– Не понимаю, о чем речь, – отрезал он. – Все, Даша, выглядишь ты великолепно, настоящая русская красавица. До свидания.

– Сколько я вам должна? – поднялась она и полезла в карман.

– Нисколько. Это подарок к именинам. Иди.

Семка назвал ее дурой, когда Дарья пересказала ему разговор с парикмахером, посоветовал бросить заниматься глупостями и настоятельно требовал ответа: зачем ей это надо? Но не могла она рассказать ему, что и как понимала. Просто не могла!

– Дура! – вздохнул снова Семка и передразнил Дарью: – Записочка попадет куда следует... Дура, потому что намекнула, что записка у тебя.

А утром следующего дня Силантия Штепу нашли избитым и задушенным в парикмахерской.

Мысли Дарьи закрутились в одном направлении: Штепа кому-то доложил о ее расспросах, и убили его, чтобы он не проболтался. Он испугался, когда она расспрашивала его, значит, за всем этим кроется нечто более серьезное, чем себе представляла Дарья. Кто же убил Штепу? И чем грозит ей знание содержания записки? Она вынуждена была признать,

что поступила неосмотрительно, и похолодела от страха за собственную жизнь, а учитывая обстановку – за жизнь родителей тоже. Если бы не следующее событие, она бы уничтожила записку, полагая, что с ее уничтожением пройдут страхи и минует опасность.

Дарья возвращалась домой поздно. Истосковавшись по общению со сверстниками в течение многих лет, она принимала участие в работе всех кружков, на какие хватало времени. Несмотря на желание узнать правду, Дарья не пропускала занятий, к тому же это был отличный способ отвлечься от тяжких дум. Спорт, художественное слово, оказание первой медицинской помощи, стенгазета... – везде она пыталась поспеть. Готовился большой концерт, посвященный выпускникам, и Дарье доверили читать целых два стихотворения. Одно Лермонтова, а второе – настоящее, с силой в каждой строчке, о великих делах страны. Все просто в восторг пришли, когда она читала, рукоплескали прямо на репетиции. Потому сегодня и задержалась, ведь это очень ответственно – читать такое стихотворение. Домой бежала со всех ног, оглядываясь по сторонам, боязно же одной на улицах, особенно когда чудится, что за тобой кто-то тайком крадется. Дарья споткнулась о камень, тут же подхватила его и, сжимая в руке орудие пролетариата, почувствовала относительную уверенность. Она перешла на торопливый шаг, свернула в проулок, оглянулась. А он ждал ее впереди.

Оглянувшись в очередной раз, Дарья даже не увидела, с

кем столкнулась. Чья-то сильная рука сцапала ее за новый пиджак, купленный у спекулянтов на толкучке, и отбросила к стене. Захлебнувшись ужасом, Дарья вжалась в стену, а тело мужчины плотно прильнуло к ней, его руки лапали... везде! Она забыла про булыжник в руке, вытаращила глаза, не решаясь закричать, лишь тихонько попискивала. Мужик был невысокий, вровень с Дарьей, его гимнастерка провоняла потом. Он приблизил свою харю к ее лицу и, обдавая перегаром, просипел в лицо:

– Тсс! Тихо...

– Дяденька, что вам? – пискнула Дарья.

– Записка где?

– Ка-кая за-записка? – выдавила она, запинаясь.

– Так где она? У тебя? Отдай...

То ли в порядке устрашения, то ли решил заодно изнасиловать Дарью, но его рука собрала юбку, затем ладонь скользнула между ног... Снова Дарья ощутила себя на лошади четырехлетней, снова обуял ее страх, что она доживает последние минуты. Последние?

– Дяденька... Дяденька... – лепетала она, поднимая руку с камнем.

А он ослабился, обнажив длинные зубы, лапал девушку, а между делом требовал отдать записку. Папка, которую Дарья прижимала локтем, выпала. Мгновенно второй рукой она уцепилась за карман гимнастерки, чтобы мужик не увернулся, и, вложив всю свою крестьянскую силу, хрястнула

камнем по его мерзкой роже. Он взмахнул руками, коротко вскрикнув, раздался треск – оторвался карман. Одновременно Дарья закричала, как только могла громко:

– Помогите! Спасите!

Мужик корчился, стонал и матерился, ощупывая рожу. Видимо, Дарья огрела его крепко, так ведь она не кисейная барышня. Сообразив, что он скоро оклемается и тогда убьет ее, Дарья подобрала папку и кинулась бежать.

Домой вошла, отдышавшись у порога. Ничего не рассказала родителям, а когда рухнула на кровать за перегородкой, заметила в руке... кусок от гимнастерки и сложенный лист бумаги. В запале не выбросила оторванный карман, так и прибежала, сжимая его в кулаке. Развернув лист и прочтя первые строчки, Дарья почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Вот он – ответ! Страшные подозрения переросли в уверенность, но теперь она знала, что делать. Надо предупредить! Подхватившись, она ринулась к выходу, бросив матери, что скоро придет...

– Дашенька! – запрыгал Дениска, открыв ей дверь.

– Фрол Пахомыч дома? – спросила она, входя в квартиру.

– Дома. А к нам с Никитой ты зайдешь?

– Потом.

Постучав в комнату Фрола, Дарья стремительно вошла и положила перед ним лист на стол.

Это был донос. Мол, Самойлов Фрол Пахомович тесно дружил с полковником Огаревым, после ареста которого

прятал у себя в квартире его жену-шпионку, а потом отравил ее. Прятал, а потом отравил! Да только этих строк довольно, чтобы понять: Фрола оболгали и в записке, которую прислали Елене Егоровне. Но в доносе еще было написано, что Самойлов неоднократно высказывался против политики партии, подрывая основы социализма и... много всякой другой чуши. Подписи не было, но это ничего не значило, Дарья уже точно знала, кто взялся за уничтожение Самойловых. Ведь за такие доносы расстреливали!

– Как это попало к тебе? – спросил Фрол.

Дарья рассказала о нападении неизвестного мужика, как она огрела его камнем по роже и оторвала карман вместе с этим письмом. О его требовании отдать записку умолчала. Фрол перечитал донос, взглянул на Дарью и сказал, закури-вая папиросу:

– Странно... Почему он напал на тебя? Я понял, он поджидал тебя, да?

– Не знаю, – опустила глаза Дарья под его пронизательным взглядом.

– Даша, ты что-то утаиваешь. Ну-ка, рассказывай все! Пойми, это не бирюльки. Кто-то прислал подлую записку Лене, в результате она отравилась, теперь вот этот пасквиль... на тебя напали, а ты работала у меня... Это не случайно. Случайно лишь то, что ты вырвала карман с доносом. Даша, это страшные люди, они никого не жалеют. Я не выпущу тебя, пока не расскажешь все.

Она была напугана, поэтому рассказала... почти все. Призналась, как прочла записку, присланную Елене Егоровне, опять утаив, что находится эта записка у нее. Она не могла ее отдать, не могла!

– Ну, содержание записки я знаю, – сказал Фрол. – Интересно, кто забрал ее... Мне бы она пригодилась. Зачем ты пошла к Штепе? Это была большая глупость. Тебе он ничего не сказал бы, неужели ты не понимала этого?

– Ой, знаю теперь...

– Ладно. Где записка?

– Не знаю, честное слово, не знаю. Столько народу крутилось здесь...

– Что ж, там нет ничего такого, что может навредить тебе и мне, но ее ищет тот, кто убил Штепу. Не знаю, почему ищет, может, думает, что там и его имя?

– Штепу убили, потому что я приходила к нему?

– Думаю, Штепу подвел его собственный язык, – сказал Фрол. – Я ведь тоже собирался к нему зайти и задать те же вопросы. Мне он ответил бы. Да не успел. Значит, Штепа должен был подтвердить Лене истинность содержания записки. Да, наверное, тот, кто писал записку Лене, и Штепа договорились действовать вместе. – При слове «договорились» Дарью бросило в жар. – Силантий был парикмахером, к нему приходило много людей. Видимо, приходил и человек из моего ведомства, кто работает со мной. – Фрол взял оторванный карман, повертел, разглядывая его. – Гим-

настерка ветхая... он не из офицерского состава. Штепа испугался не твоих вопросов, Даша, а того, что ты знаешь содержание записки. По его логике, если знаешь ты – знает о ней еще неизвестное количество человек, а это уже грозит большими неприятностями, ведь Лена не уничтожила записку. Наверное, Штепа поделился опасениями с кем-то из...неважно, я об этом после подумаю. Почерк... жаль, что у меня нет записки...

У Дарьи голова шла кругом, получалось, Елене Егоровне написали...

– Скажите, Фрол Пахомович, там правда написана?

– Что? – вышел он из задумчивости.

– Елене Егоровне написали... правду? Или вас оболгали?

– Расскажу, когда ты вырастешь. Боюсь, пока ты не поймешь. Скажу только: если бы Лена не поторопилась, а дождалась меня, она не отравилась бы. Пойдем, я провожу тебя. А с этим, – кивнул он на донос, – я сам разберусь, ты уж больше никуда не лезь, пожалуйста.

Дарья не спала ночь. Фрол Самойлов не ответил твердо «нет». И все же он пострадавшая сторона, значит, в доносе сплошная клевета и оснований не верить ему – нет. «Если бы Лена не поторопилась, а дождалась меня, она бы не отравилась», – мысленно повторяла она его слова. Да, его подло оклеветали!

Утром ни свет ни заря Дарья примчалась к сестре. Пройдя длинный коридор, она забарабанила в дверь кулаками. Васи-

лиса впустила ее, набросив грязный халат.

– Черти тебя принесли в эдакую рань...

Она жадно пила из носика чайника воду, а Дарья положила на стол уже потертую записку. Васька покосилась на листок:

– Что это?

– У тебя хочу спросить, – зло выговорила Дарья. – Что это?

– Хм! – взяла записку Василиса и принялась читать вслух: – «Елена Егоровна, вашего мужа полковника Огарева Георгия Денисовича собственноручно расстрелял ваш нынешний муж Самойлов Фрол Пахомыч утром восемнадцатого февраля тридцать девятого года. Если вы сомневаетесь, спросите у парикмахера Штепы, он предоставит вам доказательства. Ваш нынешний муж Фрол Самойлов гнида, каких свет не видал. Это он оставил вас без мужа, чтобы самому занять его место и получить повышение по службе. По прочтении сего письма прошу вас сжечь его». Ух ты! А ко мне чего приперлась?

– Потому что это твой почерк! – выкрикнула в гневе Дарья. – Это ты написала! Ты! И Штепу ты подбила подтвердить...

– А и я! – подбоченилась Василиса, ухмыляясь. – Ну и что? Так ведь это правда. Один человек, что служит вместе с Фролом, рассказал моему знакомому по пьянке, как расстреливали полковника Огарева, а он мне. Днем на меня мужики

не смотрят, а ночью в постели любят со мной лежать, там и рассказал. Фрол расстрелял своего друга и учителя, поняла? И сделал это, чтоб забрать его жену. А ты дура. Ах-ха-ха-ха!

– Ты сама дура! Чего радуешься? Тот человек убивает всех, кто знает содержание записки. И тебя убьет.

– А не Фрол ли это? По мне, так это он убил Штепу. Мстил. Уж мне-то известно, как сладка месть. И откуда Фрол узнает, что записку написала я? Уж не ты ли продашь свою родную сестру? Хотя ты меня давно продала. Не прощу тебе вот этого! – указала она пальцем на правую, изуродованную сторону лица.

– Ты... ты сама себя продала, – сквозь стиснутые зубы выговорила Дарья. – Ты убила Елену Егоровну, прислав ей эту гадость. Как ты могла?! И я не верю ни одному твоему слову. Ты мстила Самойлову за то, что он не захотел с тобой быть, ты сама под него подлезла. Я видела, все видела, как ты приставала к нему, как лежала с ним голая! Вы стоворились со Штепой и с тем, что служит с Фролом, извести Самойловых. И начали с жены, потом настрочили на Фрола грязный донос, а Штепу придушили, потому что он испугался и мог раскрыть ваши козни.

– Пошла отсель! – взмахнула кистью руки Василиса. – Не желаю слушать оскорбления в своем доме. Пошла вон!

– Ты мне не сестра! – в гневе выкрикнула Дарья и хлопнула дверью.

Теперь она очень боялась ходить по улицам – вдруг тот

мужик опять нападет. Но ничего подобного не случилось. Однажды, встретив Фрола на улице, Дарья подошла к нему и, стесняясь сказать правду о своих страхах, начала издали:

– Фрол Пахомыч, за мной ходит тот мужик... ну, что напал...

– Тебе кажется, Даша. Никто за тобой не ходит. Ничего не бойся.

Он сказал это уверенно, не оставляя сомнений, и зашагал прочь. А она, почувствовав легкость на сердце, побежала к Семке, думая, что на этом история закончилась. Жаль было Елену Егоровну и Фрола, но Дарья так молода, а впереди столько непознанного, столько новизны, столько открытий...

Дарья Ильинична сделала паузу, налила себе чаю.

– Извините, мне все же неясно, – сказал Щукин, – Самойлов на самом деле расстрелял полковника или же его оклеветали?

– До сих пор этого не знаю, – призналась Дарья Ильинична.

– Но ведь он стал вашим мужем.

– Видите ли, я рассказала, как понимала тогда события, а где правда, где ложь... не могу судить и сейчас. Он не любил вспоминать прошлое, оно его тяготило. Но я не верю, что Фрол стал палачом друга и что сделал это из-за Елены Егоровны, не та порода. Есть люди, которых не сломить ничем, Фрол был таким, поэтому я уверена: он не расстреливал. И

разве одного Самойлова в то время оклеветали? Тысячи людей, тысячи.

– Что стало с тем мужиком, который на вас напал?

– Тоже не знаю. Я вообще не знаю, кто он был.

– А у вас не было такой мысли, что Самойлов убил парикмахера? Он ведь записку прочел раньше вас, и мне кажется, у него был мотив убить Штепу.

– Хм, – усмехнулась Дарья Ильинична. – Конечно, у меня такая мысль крутилась, поэтому я не сразу бросила обвинения сестре. Если бы не донос, который случайно попал мне в руки, я бы так и думала, что Штепу убил Фрол. Но на Самойлова была организована слишком массивная атака, это даже мне стало ясно. В заговоре участвовала моя сестра, почерк-то был ее, я его сразу узнала. К тому же в доносе на Фрола было написано «отравил жену». А это уж полный бред.

– Ну, а что было дальше?

– Война была, что о ней говорить. Перед самой войной Самойлова куда-то переводили, он вынужден был отдать мальчиков Огаревых в детский дом. Мужчине его профессии заботиться о двух детях было невозможно. Ко всему прочему, думаю, Фрол чувствовал приближение войны, об этом много говорилось, но шепотом и только среди своих. Моего отца призвали в армию, через полгода он погиб. Уходя на фронт, папаша приказал нам бежать на восток, он был дальновидный, мы и бежали с мамашей. Василиса осталась, жила

в оккупации. Всю войну я работала в госпитале, а мама – на заводе. В начале сорок четвертого мы вернулись домой. По счастью, наш дом остался цел. С Василисой мы стали совершенно чужими, и не только я, мамаша тоже. Погиб и Семка в последние дни войны – сгорел в танке, а так мечтал летать. Я снова поступила в госпиталь, ведь имела большой опыт, да и была уже взрослой, девятнадцатилетней девушкой. Знаете ли, военная элита всегда оставалась элитой, поэтому, когда будете смотреть старые фильмы о войне, где в госпиталях вповалку лежат генералы и простые солдаты, не верьте. Командный состав пользовался привилегиями и в госпиталях, офицеров помещали в хорошие палаты, где раненые не лежали друг у друга чуть ли не на головах. Во всяком случае, я говорю то, что сама видела. Там, в госпитале...

9

– Даша, сделай перевязку полковнику из тринадцатой, – попросила врач. – Он капризный, а у тебя и характер, и руки золотые.

Дарья взяла перевязочный набор, уложила на поднос и с чувством ответственности побежала в тринадцатую палату. Да, ее ценили за умение усмирить буйных раненых, которым жизнь становилась не мила, за коммуникабельность, за профессионализм, в конце концов, хотя у нее не было специального образования. Ничего, вот-вот кончится война, и Дарья поступит в медицинское училище.

Она вошла в палату, где лежал один человек, второго выписали утром. Вошла – и все внутренности разом грохнулись вниз, а сердце подскочило к горлу, она едва не выронила поднос.

На кровати лежал Фрол Самойлов и читал газету! Он почти не изменился, разве что посуровел и слегка поседел. Ну, еще глубокая складка меж бровей пролегла, ах да – у губ четче обозначились морщины. Но каким он показался Даше пригожим... Не зря Васька сохла по нему, ой не зря! Ваське сейчас как раз столько лет, сколько было Елене Егоровне, когда арестовали ее мужа. Но Василиса постепенно теряла человеческий облик, пила, была легкодоступна для мужчин, на все увещевания мамыши у нее один ответ: «Дайте пожить

вволю, мамаша, чего пристаёте?»

Фрол мельком глянул на Дарью и, уткнувшись в газету, грозно произнес:

– Я настоятельно просил не присылать ко мне девчонок.

Дарья проглотила сердце, которое перекрывало горло. Дождавшись, когда оно станет на место, робко вымолвила, поставив поднос на тумбочку:

– Извините, но мужчины у нас только врачи.

– Пусть придет на перевязку женщина постарше, лучше преклонных лет, – четко произнес Самойлов. – А вы идите, идите.

– Фрол Пахомыч, вы не узнали меня?

Он перевел на нее взгляд из-под нахмуренных бровей. Ух, какие у него глаза... цепкие, колючие, достающие до дна. В них обозначился вопрос. Нет, не узнал.

– Я Даша. Работала у вас домработницей.

– Даша? – воскликнул Фрол, не веря, что это она стоит перед ним. Попытался сесть, но поморщился от боли. – Не может быть!

– Вы лучше лежите, – осмелела Дарья, укладывая его на подушки.

– Неужели это та строптивая и без меры любопытная девчонка, которая злилась, что ей приходится мыть полы, и которая таскала у меня книжки?

– Вы и это знали? – рассмеялась Дарья.

– Ты не умела скрывать. Даша! Ни за что не узнал бы!

– Ну, раз вы меня все-таки узнали, то будьте добры, доверьтесь. Без возражений! Вы забыли еще одну мою черту: упрямство. Так что одеяло долой! Не бойтесь, я не увижу то, чего видеть мне не нужно.

Слегка смущаясь, а смущение он прятал за сердитостью, Фрол отдался в руки Дарьи, тщательно закрывая мужское достоинство. Разорвавшийся снаряд ранил его в бедро, задев брюшную полость. Он давно был вне опасности, рана зажила, к тому же это был третий госпиталь, где лежал Фрол, – первую операцию он перенес на месте, после чего его перевезли в тыл. Дарья ловко и быстро управилась, хотела уйти, но он удержал ее, взяв за руку:

– Посиди со мной, Даша.

Она присела на край кровати, откровенно разглядывала черты его лица, такие знакомые и одновременно совершенно незнакомые. Впрочем, несколько лет назад она смотрела на него глазами подростка, сейчас – глазами девушки, почти женщины. А внутренности продолжали падать. Очутились уже, кажется, ниже пола, а все падали, проклятые, особенно когда он взял ее за руку. Из прошлого всплыла картинка: Василиса и он... на диване... Нет, не Василиса, а Дарья с ним... И показалось, что Фрол догадывается о ее порочных мыслях.

– Дашенька... – ласково произнес он. – Взрослая стала. Как быстро несется время. Послушай, Даша, не могла бы ты выполнить мою просьбу?

– Все, что хотите.

Это были не просто слова, это было обещание много больше слов.

– Мальчики... Огаревы... Разузнай, где они, что с ними.

– Я уже пыталась узнать, как только вернулась сюда. Ни одного человека не осталось, кто тогда работал в детском доме. Говорят, будто бы детдом готовили к эвакуации, стали вывозить, а тут город заняли немцы. Успели их вывезти или нет – неизвестно.

– Жаль, – огорчился он. – Я в долгу перед ними. Ну, ничего, выйду из вашей тюрьмы, попробую выяснить по своим каналам. Я рад, очень рад тебя видеть!

Теперь каждую свободную минуту Дарья бежала к Самойлову. Весь свет сошелся на нем клином. С мужчинами была большая напряженка, погибло-то их о-го-го сколько, а женское счастье в них, мужиках. Только гулящие бабы, наподобие Василисы, не думая о завтрашнем дне, довольствовались временными утехами, но замуж таких не брали. Женщины в госпитале завидовали Дарье:

– Ну, отхватила ты мужика! Героя! Полковника! Жить будешь как у Христа за пазухой. Держи только крепко, а то бабы нынче навроде фашистов – захватчицы.

– Вот еще глупости! – сердилась она. – Мы с ним давно знакомы.

Лукавила. Она втрескалась в него по самую макушку. А возможно, инстинкт самки проснулся, диктовал не упустить самца, а то другой может и не встретиться. Дарья тщатель-

но готовилась к встречам, чтобы Фролу было с ней интересно, приносила газеты, помогала делать первые шаги, брила его. Ни разу он не спросил о Василисе, видно, вычеркнул ее из памяти. Вычеркнула сестру и Дарья. Прошло достаточно времени, а Фрол не переступал границ дозволенного, но всегда безмерно радовался, когда она появлялась.

Потом его выписали, он вернулся в свою квартиру, его дом тоже остался целым. Дарья взяла на себя заботу о нем, ведь Фрол был еще слаб – она драила полы, готовила, стирала. А как приятно гулять с ним по улицам, держать под руку! В полковничьей форме он был неотразим. Война сместила акценты в мечтах Дарьи, теперь ей хотелось не подвигов на благо страны, не приключений и путешествий, а тихого домашнего уюта, благополучия, которого у нее никогда не было. Самойлов подходил ей по всем статьям. Дарья все ждала хотя бы намек с его стороны, ведь она нравилась ему – определила это по взглядам, поведению, интонациям, – но намеков не было. Ох, так ведь и жизнь пройдет! Тогда она стала задерживаться у него допоздна, увлекая Фрола беседами, что начитанной Дарье было нетрудно делать, проникалась волнениями по поводу хода войны, не стеснялась высказывать свое мнение. И однажды он ее поцеловал. Однако внезапный порыв Фрола не вышиб у Дарьи мозги:

– Ты... решил посмеяться надо мной, Фрол?

До этого она называла его только на «вы», имя произносила всегда с отчеством. Строгий тон, одновременно дрожа-

щий голос, символизирующий высшую степень недоумения, а также влажные глаза с растерянностью в них – все говорило: я порядочная девушка. В то же время она сказала «ты», тем самым поставила себя вровень с ним, а проще – дала понять, что их отношения перевалили за просто дружеские. Он не понял хитросплетений, мгновенно выстроившихся в головке Дарьи, смутился, буркнул извинение... Перегнула палку! Фрол наверняка не из тех, кому указали на место, а он все равно лезет с приставаниями. Дарья вмиг опомнилась, уткнулась носом в его грудь и едва выговорила:

– Только не думай обо мне плохо... Меня никто не целовал... мне... немножко страшно... и... понравилось.

Потом был еще поцелуй, еще. Потом была кровать... Кроме стыда и неприятных ощущений, Дарья ничего не испытала. Лежала рядом с Фролом, глядя на его профиль, и думала: «Почему бабы так за мужиков цепляются? Что в этом хорошего?» Куда делся тот трепет ожидания неземного блаженства, когда вспоминала Фрола и Василису голыми? Не понимала. Тем не менее Дарья была счастлива.

Через два с половиной месяца мамаша с подозрением спросила:

– Чего это тебя рвет по утрам?

– Отравилась, – сказала Дарья, не придавая значения словам мамаша. – Пирожок с ливером съела на работе.

– Угу, – многозначительно закивала та. – Каждый день, что ли, пирожками травишься? А не беременная ты? Гляди,

девка, о Ваське дурная слава идет, и ты туда же?

Дарья аж поперхнулась: что, беременная?! Тихонько сбегала к врачу, преодолев жуткий стыд, ведь незамужняя, в то время это был чуть ли не смертный грех... И точно! Примчалась к Фролу – как-никак, а беременность не ветром надуло. Из потока слез и слов ему все же удалось вычленить главное – у Дарьи будет ребенок, что делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.